

Р. Ар.
ПЕРВЫЙ

ТАКЖЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Р. Ар.

Первыйловец пустоты

«Автор»

2026

Ар. Р.

Первый ловец пустоты / Р. Ар. — «Автор», 2026

Когда реальность трещит чёрным льдом, остаётся лишь одно: успеть увидеть смерть прежде, чем она сожрёт тебя заживо. Здесь выживают не благодаря боезапасу, а на чистом безумии, крепком слове и самоиронии. Здесь нет непобедимых героев, каждый такой же как вы. Здесь Зона — не просто декорация, она живой организм, который дышит в унисон с тобой и хохочет над твоей беспомощностью, как мать над нерадивым дитя. Книга для тех, кто ценит поэзию в грязи, не боится сложной, плотной прозы и готов заглянуть в пустоту, чтобы отыскать в ней себя.

© Ар. Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Р. Ар. Первый ловец пустоты

Эпиграф Зоны

Чёрный лёд космоса треснул, обжигаемый ярой вспышкой. На миг могло показаться, что взорвалась сверхновая звезда. Сгусток энергии гейзером вырвался из червоточины нестерпимого света и, устремившись к ближайшей сфере, вскоре бесцеремонно вломился в её гармонию. Небо разделила ярко-алая черта, словно полоснули ножом по нежному телу. Нечто с неистовой силой и впечатляющей скоростью, раздирая в клочья свинцовые лохмотья, промчалось по небосводу, оглушая своим рёвом, и рухнуло куда-то вниз.

На несколько секунд пространство сдавила в гнетущих объятиях звенящая тишина. Оставшиеся израненные тучки на темнеющем от ужаса небе начали испаряться, прячась за бархатный занавес от чего-то неотвратимого, исчезая подобно снежинкам, падающим на тёплую детскую ладошку. Ещё несколько наносекунд миру казалось, что это просто весёлый ветер играючи разогнал облачную вуаль застенчивой выси, дабы увидеть её истинный лик. Но, к сожалению, всё обстояло уже не так — мир ошибался.

Кипящее пламя квантового огня уже пожирало километры и без того уставшей за последние годы земли Зоны отчуждения, которую терзала доселе невыносимая боль радиоактивной проказы, оставленной на прощание, как венерическое заболевание, неблагодарным блудливым человечеством, не желавшей проходить без лечения сама собой. Потрясая всё и вся, рёв следовал послушной псиной за своим жестоким хозяином — Выбросом. Растущий в геометрической прогрессии с каждым своим мегашагом, он заявлял на всю округу неистовым лаем о присутствии нового господина, предъявившего права на этот клочок почти никому не нужной земли.

Выброс и его пёс гремели, размашисто сметая скопившийся от бывших владельцев мусор: стены и крыши много лет пустовавших построек, когда-то нужные, но теперь позабытые игрушки-машинки, что монотонно доедала ржавчина, и прочие мелкие вещицы, брошенные в конце прошлого столетия перед вынужденным переездом на другое место жительства. Теперь всё это, по мнению нового владельца, подлежало выносу на помойку истории. Тяжело топая своими ножищами, как взбесившийся алкоголик, не нашедший наутро с похмелья оставленной в тайнике заначки, Выброс выкорчёвывал деревья и выдирали из почвы опоры бывших линий электропередач, обрывая, как паутину, хрупкие нити оставшихся проводов: для него и они были лишними, сорняками на приусадебном участке. Он крутил в огненном вихре землю и небо, всё ему было нипочём, всё было для него не то и не так. Одержимый одним безумным стремлением переиначить материю своими аномальными для этого мира методами, Выброс не просто хотел сломать старое имущество, уничтожить и выбросить за пределы обживаемой территории — он делал это в дьявольской, противоестественной манере, свойственной лишь ему одному. Стремясь всеми силами очистить от прошлого эту землю, он рвал, терзал и гудел, жёг, бросал и рушил, иногда даже выходя за пределы выбранного участка, не давая пощады никому и ничему на своём пути, не было конца и края той ненавистной уборке.

Земля Зоны стонала и дрожала, как девственница в руках ненасытного маньяка. Захлёбываясь слезами боли, она почти молила перестать издеваться над ней, но Выброс её не жалел. Он не желал ничего слышать и знать — он просто делал то, что хотел и получал от этого своё извращённое удовольствие.

Ещё. Ещё. Ещё!

И вдруг всё кончилось. Кончилось так же стремительно и неожиданно, как началось несколькими минутами ранее. Кто-то гораздо могущественней, превыше всего происходящего, с силой схватил за шиворот и приказал остановиться захватчику, насильнику и убор-

щику-дебоширу в одном лице; остановиться и усмирить разыгравшийся пыл и амбиции, заткнуть пасть назойливой шавке, лающей вовсю своим громогласным басом.

И этот немой приказ был выполнен незамедлительно и беспрекословно. Всё стихло. Лишь тонкие вибрации материи эхом напоминали о произошедшем недавно событии. По всей видимости, новый хозяин, удовлетворившись проделанной работой и «расстановкой вещей», успокоился и задремал на жертве вивисекции в обнимку со своей злобной собакой в ожидании гостей на новоселье.

Уборка окончена. Но перепланировка в жилище ещё даже не начиналась. Теперь Она по-настоящему существует. В Её жилах заструились уникальные энергии, и запульсировало собственное аномальное сердце. Нервы прорастают, а вместе с ними и всё тело приходит в движение. Это он оживил Её, испепелил, но лишь для того, чтобы Она фениксом переродилась и вновь восстала из собственного праха. Он изменил Её, и Она трансформируется, шевелится под ним, ворочается. И уже готова встать в полный рост.

В права собственности вступает новая хозяйка — Её Величество аномальная Зона, и теперь только ей решать, что же будет дальше...

Эпизод 1. Воспоминания

Пролог

Открывая дверь своего дома, нельзя быть уверенным в том, что снаружи ждёт тот же двор, улица, город или даже страна. Считаете иначе? На мой взгляд, лишь одно можно знать наверняка: там что-то окажется. Хотя... это тоже спорное утверждение. А что именно там может оказаться? Вот это уже правильный вопрос. И чтобы узнать ответ на него, делать ничего особенно и не нужно — достаточно просто открыть дверь.

Каждый из нас привык видеть по утрам одно и то же, выходя за порог. Кто-то — заплёванный подъезд с коротко выцарапанными надписями на стенах, с пятнами копоти от сожжённых спичек, покрывающими причудливыми узорами побелку потолков-лестниц. Кто-то видит дворик у старого дома в деревне — облезлую собаку в перекошенной конуре, что выросла в землю возле калитки. Та скрипит старухой, вечно жалуясь на жизнь, едва её побеспокоят. Калитка, видать, ещё в прошлом веке, будто в назидание потомкам за давнее преступление, была с бодуна «казнена» дедом: то ли косо повешена, то ли криво насажена на кол. Дубовый кол штопором выкрутился из земли и превратился в орудие пытки — щербатой занозой впиывается в глаза всем, кто осмелится посмотреть в его сторону. Доисторический забор по соседству алкашом покосился, облокотившись на опору линии электропередач, и теперь медленно сползает, чтобы не свалиться плашмя в грязь бездорожья.

Есть и те, кому взятый в долг воздух бетонной коробки давит каждодневно на грудь тяжестью стопроцентной ипотеки, а тягучий табачный дымок просачивается непрошеным гостем сквозь щель дверного проёма или в открытую форточку, чтобы хлопьями сажки осесть в лёгких. Отчего и дышать иногда не хочется, но приходится — во имя такой сладкой и манящей мечты о тёплой старости в окружении гнёзд-перфораций, оставленных дятлами, проживающими в соседних дуплах.

Те, кто побогаче, возможно, вообще ничего не замечают за пределами своего благоустроенного скворечника, потому что избалованным судьбою чаще всего нет дела до того, что происходит за границами их владений. А если им что-то не по нраву, то влиятельные пузаны-кошельки обязательно купуют новое, лучшее — и в более престижном районе.

Да не так уж и важно, что именно мы видим, выходя за дверь своего жилища, — у каждого своё.

Но что, если завтра, выйдя на улицу, вместо всего привычного и знакомого, окружавшего вас каждый день, вы не увидите ничего? А если это, с позволения сказать, «ничего» будет

не просто пустым и безжизненным, а очень даже наоборот — странным, пугающим и даже опасным? Как себе такое представить? Как такое может быть? Немыслимо!

Задумайтесь на секунду: всё это так — случилось и не поддаётся никакому разумному и логическому объяснению. Вы оказались наяву в кошмарном сне и не имеете возможности выбраться из него или просто проснуться. Возникает вопрос: что в таком случае делать? Бежать? Но куда бежать, если за спиной собственный дом, а впереди, по бокам и позади дома — это самое «ничего»? Дом посреди огромного, бесконечного «НИ-ЧЕ-ГО»! Ничто, леденящее душу своей неизбежностью.

Может быть, надо закричать, позвать на помощь? Но кому кричать и у кого просить этой самой помощи? Вокруг — абсолютный ноль. В этой пугающей, непонятно откуда взявшейся пустоте нет ни одной живой души. Это уже не населённый пункт, не улица, не планета, — а бесконечная бездна. Словно и не было ничего до этого самого «ничего», лишь холодящий спину страх неотвратимости безбрежного океана небытия. Невесёлая получается картинка, даже страшненько как-то. Не находите?

Ладно, долой ужасы!

А как вам такой вариант: что, если всё будет по-другому? Ну, скажем, вместо пустоты и страха — наоборот, прекрасный мир, почти библейский Эдем, дивный сад полон диковинных растений и животных. Нет гула машин, нет озоновых дыр, продажных политиков, войн, голода, нищеты — всё чудесно, а вокруг здоровые, красивые, приятные и обнажённые люди бабочками-элоями порхают эротически, и повсюду царит безмерное счастье, веселье и любовь. Красота! Ну как вам такая эрос-утопия?

«О! Круто! Хочу туда! Да-да-да!» — прокричат многие, даже не задумываясь.

Тьфу, граждане! Ну как же ожидаемо, просто и — чёрт возьми — банально. Это всё легко представить, ничего тут такого особенного и нет, старо как мир — клише.

Давайте попробуем иначе: что, если там, за порогом, куда вы выйдете утром нового дня, перед вами встанет выбор между повседневно-привычным и чем-то более загадочным и завораживающим? Сделаете ли вы свой первый осознанный шаг вперёд, в неизвестность? Оставьте ли за спиной всё то обыденное, что окружало вас ежедневно? Только ради этого самого сомнительного неизведанного — бросить всё ради прогулки в «нечто» или в «ничто»? Возможно, тот, кому тошнотворная повседневность и однотонность до смерти надоели, скажет утвердительно и молниеносно: «Да! Конечно! Легко!» Найдутся и те, кто в последний момент, испугавшись перемен, проскулит: «Нет. Ну что вы? Ни за что».

Сколько людей, столько и мнений, сомнений и желаний, решимости и нерешительности. Все мы разные, и далеко не каждый способен на такой вот рискованный поступок, не зная заранее, к каким последствиям его решение может привести. А подавляющее большинство вообще наотрез откажется выходить из зоны комфорта своего маленького мирка и даже вопросами подобного толка задаваться не станет, не то чтобы что-то там менять. А зря...

Но если вы дочитали до этого места, то, может быть, задумаетесь теперь: а к какому типу людей принадлежите вы? Готовы к подобным метаморфозам? Кто вы на самом деле? Способны ли совершить поступок, который не на словах, а на деле и кардинально изменит вашу жизнь? Справитесь с неожиданными трудностями или забьётесь дрожащим щенком под кровать, ожидая разрешения ситуации самотёком или неминуемого конца своего существования? Это важный вопрос. Ведь когда произойдут глобальные перемены, вас спрашивать уже никто не станет...

Глава 1. Недоброе утро

В тот день, к своему удивлению, я проснулся около семи часов утра — для меня это дикая рань. Я был любителем поспать подольше, и дело это мне никогда не надоедало. «Сон — это здоровье, унучик!» — говаривал дед. Я его слова понимал буквально, а посему дрых в своё

удовольствие и сколько душевнее было угодно. Ну а в случае подколов кого-либо из друзей или родственников всегда, огрызаясь, ссылаясь на мудрость деда: «А чё? Это ж дед так говорит, старый жизнь прожил — он в курсе. А я привык слушаться старших, вот и сплю, укрепляю организм, и всё такое. Катитесь лесом, товарищи, завидуйте молча и ходите больными. А я, чё хочу, то и делаю. У нас демократия, между прочим».

Конечно, я так отвечал далеко не всем, ну и вообще не так, но имел в виду именно это. Просто я терпеть не могу, когда мне указывают, что делать. Кроме моих благоверных бабули и деда, отношения с остальными дальними и не очень родственниками из-за подобного поведения были напряжены, как струна на перетянутой гитаре — вот-вот да и лопнет, звонко хлестнув. А хлестало периодически и постоянно в виде высказываний советчиков и «умудрённых опытом поучателей» в мой адрес и обратки от меня. Меня то и дело пытались наставить на «путь истинный» все кому не лень, понукая найти то «нормальную работу», то жениться уже, наконец-то, и завести детей как положено, то ещё что-либо сделать, что полагается всем в моём возрасте... В общем, стать «как все нормальные люди». Но я не хотел быть «как все». Я хотел чего-то другого, сам не зная чего именно, но точно не того, что хотят «все нормальные». И это «что-то» витало где-то рядом, в самом воздухе, пропитанном ожиданием этих перемен.

Времени для отдыха от вынужденного отдыха у меня тоже было всегда предостаточно, поэтому ложился, когда хотел, и вставал исключительно по собственному желанию. Да в нашей стране с такой-то безработицей свободного времени у большинства хватает. После распада «великого и могучего» население скатывалось, откровенно сказать, в нищету, и, конечно, основной массе моих близких было неясно: как я мог так наплевать ко всему относиться? За какие шиши вообще выживал и сколько буду ещё сидеть на шее у деда с бабкой?

Да, отдельные осколки в прошлом большого государства, что стали именоваться странами, сложно было назвать на тот момент таковыми, но тем не менее, так это всё именовалось. Экономика в некоторых из них трещала по швам: безработица, постоянные противостояния этнических групп, вооружённые конфликты сказывались даже на некогда благополучных регионах. Из-за всего этого геополитического безумия стали процветать такие явления, как бандитизм, откровенное мародёрство, сталкерство цветных металлов в Зоне отчуждения, да и просто воровство всего и вся, что «плохо лежит». Правительство, МВД и вооружённые силы старались удерживать всё под контролем, но всякого рода криминальные элементы то и дело дестабилизировали и без того сложную обстановку. Столица, конечно, жирела и ширилась, туда постоянно стекались финансы, в том числе и доходы от всё того же теневого бизнеса, а вот окраинам практически ничего не доставалось, и поэтому жилось там, мягко говоря, несладко. Ну а выживать как-то нужно было местному населению в краю, где не было ни производств, ни каких-либо серьёзных аграрных комплексов к тому моменту. У нас вон, например, леса одни вокруг да Зона под боком. Колхозы давно все развалили и разграбили. На что жить? Грибы радиоактивные собирать? Хотя и такие «умельцы» находились, но это скорее отдельные случаи. Вот поэтому и выкручивался народ как мог. Отчего такие, как я, молодые и безработные оболтусы занимались всем, чем только придётся, или вовсе ничем, существуя на скромные средства престарелых родственников, что горбом своим заработали нищенские пенсии ещё во времена некогда единой державы. Я не был исключением из правил: жил сегодняшним днём, перебиваясь то случайными заработками, то этим самым промыслом всего, что «плохо лежит», и не особо-то переживал по поводу того, что же будет завтра. А завтра наступало с завидным постоянством, принося с собой лишь новые порции скуки, рутины, обыденности и безысходности с лёгким налётом надежды на перемены к лучшему.

Так вот: в то утро всё было иначе. Я проснулся от странного ощущения, точно кто-то пристально смотрит на меня. Открыв глаза, я никого не обнаружил в комнате, но чувство не проходило. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь щели в шторах, казался каким-то неестественно жёлтым, густым, почти осязаемым. В воздухе пахло озоном, как после сильной грозы,

хотя небо за окном было абсолютно чистым. Я сел на кровати, пытаюсь стряхнуть остатки сна. Голова была тяжёлой, а в ушах стоял едва уловимый гул, похожий на звук работающего вдали трансформатора. «Дед? Ба?» — позвал я, но ответом мне была тишина. Странно. Обычно в это время на кухне уже вовсю гремели кастрюли и слышалось ворчание деда по поводу того, что «молодёжь нынче пошла никудышная». Я встал и направился к двери. Пол под ногами казался непривычно холодным, а стены — какими-то зыбкими, словно они были сделаны не из кирпича и бетона, а из застывшего тумана. Когда я вышел в коридор, тревога усилилась. Дверь в комнату стариков застыла слегка приоткрытой. Я заглянул внутрь — кровати были аккуратно заправлены, но их самих там не оказалось. На кухонном столе стояла недопитая чашка чая, от которой всё ещё шёл пар. Значит, ушли недавно. Но куда? И почему так тихо? Я подошёл к окну и отдернул занавеску. То, что я увидел, заставило меня похолодеть...

Я снова проснулся.

Кто-то бесцеремонно тряс меня за плечо.

— Вставай! Слышишь? Да вставай же ты, соня! — донёсся до меня сквозь пелену сна тревожный голос, знакомый с детства. Я нехотя приоткрыл один глаз. Увидев расплывчатый силуэт буйного деда, попытался перевернуться на другой бок, но, окончательно узнав в стоящем над душой родственничке небритую морду лица, усилием воли разлепил второе око. Дед стоял над кроватью, и вид у него был, мягко говоря, не очень. Он у него и так всегда был не очень, а в это утро уж очень не очень: бледный, встревоженный, руки подрагивают.

— Что случилось? Сколько время? — пробормотал я, соображая, что могло заставить деда поднять такую суматоху спозаранку. Сам же окончательно пытался отойти от предыдущего псевдопробуждения.

— Семь утра. Почти семь. Телевизор... Глянь, что передают! Там такое... — он не дожидаясь меня, ворил и махнул рукой в сторону большой комнаты и сам почапал, не дожидаясь меня.

Я не спеша выбрался из-под тёплого одеяла, сунул ноги в тапки и, почёсываясь, поплёлся вслед за дедом. В большой комнате уже работала старенькая «Берёзка», которую дед никак не хотел менять на что-то современное. На экране сквозь рябь и помехи маячила дикторша с испуганным лицом. Она что-то быстро тараторила, постоянно поправляла крупные очки и микрофон, из-за чего звук то пропадал, то превращался в невыносимый скрежет.

— ...всем жителям рекомендуется сохранять спокойствие... — Пшшш! —... и по возможности не покидать свои дома. Повторяю: зафиксирован мощный энергетический всплеск в районе... — звук снова утонул в шипении.

Я в своих ворчащих раздумьях прошёл мимо «ящика» к окну и отдернул занавеску. Солнце уже поднялось, но свет его был странным — не золотистым, как обычно, а мертвенно-бледным, с сиреневым отливом. Улица выглядела пустой. Ни машин, ни людей. Даже вездесущих ворон, что обычно устраивали гвалт на тополях под окном, не было слышно. Да уж. Странно это всё. Странно. Мрачняк снова какой-то. Сон этот ещё дебильный: новости, дед, дикторша эта потерянная. Что за бред? Блин, я ж совсем забыл, — меня вдруг осенило. — Сегодня же Сашка Галцев должен прийти! Надеюсь, у него есть какие-то идеи для «подработки». Неплохой он всё-таки чувак, хоть и немного вороватый. Ай, да ну и что? В наше время это скорее плюс, чем минус. Что бы я делал, если бы не его подгоны? С самой школы меня выручает. Один из немногих, кому ещё можно доверять, пусть и не без оглядки. Он с виду мужиковатый не по годам, но зато можно по отчеству называть — Сергеичем.

«Надеюсь, у Сергеича есть что-то стоящее, — подумал я, насыпая заварку в выдавший виды фаянсовый заварничек. — А то скоро придётся зубья на полку складировать».

Вода в чайнике весело забурилась, выкидывая из носика мини-гейзером струйки пара с шальными брызгами. Я залил заварку кипятком и накрыл заварник старым полотенцем, чтобы чай как следует настоялся. Аромат свежезаваренного почти чифира немного разогнал утреннюю хмурь, и я, взяв свою любимую щербатую кружку, вышел на веранду.

На улице было тихо. Деревня только начинала просыпаться. Где-то вдалеке прокукарекал петух, послышался лай собаки и приглушённый рокот мотора проезжающего по трассе грузовика. «Весело прошуршал», — подумал я. Усевшись в кресло-качалку, которое жалобно взвизгнуло под моим весом, затянулся сигаретой. Первая затяжка всегда самая приятная — она словно ставит маслянисто-жирную точку в переходе от сна к реальности.

Солнце лениво ползло из-за горизонта, вымазывая оранжевой глиной верхушки сосен, окружавших нашу деревню. Его лучи проплавливали утреннюю дымку, создавая причудливую игру света и тени на пыльном стекле веранды, превращая грязь в сказочный витраж. Я сидел, потягивая крепкий чай, и смотрел на дорогу, ведущую к дому, в ожидании Сашки. В голове было пусто и спокойно, словно всё то, что я чувствовал ещё пять минут назад, было всего лишь дурным сном. Но я знал, что это не так. Пустота никуда не делась, она просто затаилась на время, выжидая своего часа...

...И час пробил.

Я сделал очередной глоток, но вместо обжигающего напитка горло ошпарило мертвенной стужей. Вкус чая пропал, оставив на языке отчётливый привкус ржавчины и болотной жижи.

Я нахмурился, глядя в кружку. Поднимавшийся над ней пар больше не шёл вверх — он тяжёлым, густым серым туманом лениво полз по глазурованным стенкам вниз, обвивая мои пальцы. Сигаретный дым, застывший в воздухе, отказывался рассеиваться и сворачивался в плотные, неподвижные кольца, похожие на змеиные.

Рокот грузовика на трассе тотчас надрывно хрустнул, замедлился и растянулся, превращаясь в бесконечный, давящий на барабанные перепонки низкочастотный гул. Словно кто-то ударил по струнам гитары, опущенной в самый низкий, нечеловеческий строй, и этот звук принялся крушить пространство.

Оранжевая глина верхушек сосен мгновенно вспыхнула ядовитым, неоновым-фиолетовым. Деревья потеряли очертания, осыпаясь мозаикой, превращаясь в угловатые, ломаные тени. Пыльное стекло веранды пошло паутиной трещин, но совершенно беззвучно.

Где-то в вышине, прямо над крышей дома, раздался оглушительный, металлический щелчок — будто гигантский невидимый оператор переключил тумблер на панели управления этим миром.

Воздух в лёгких кончился. Я попытался вдохнуть, но наткнулся на глухую, ледяную пустоту. Веранда поплыла вбок, кресло-качалка ушло из-под ног, и я провалился в абсолютную, звенящую темноту.

Я резко открыл глаза, судорожно хватая ртом воздух, и тут же закашлялся от едкого, удушливого запаха сырости, старой бумаги и резиновой гари.

Никакой веранды. Никакого солнца. Ничего родного.

Я лежал на спине, на чём-то жёстком, холодном и металлическом. Прямо надо мной, всего в паре метров, вместо деревянного потолка веранды тянулось ржавое, сочащееся маслянистыми каплями брюхо огромных, давно остановившихся промышленных агрегатов. Пространство вокруг тонуло в густом, сером тумане, сквозь который едва проглядывали очертания массивных бетонных конструкций и свисающие рваным серпантинном мёртвые провода.

Где-то глубоко в темноте этого бесконечного цеха размеренно и тяжело капала вода. Кап... кап... кап... И каждый этот удар эхом отзывался в моей голове.

Я попытался подняться, опираясь ладонями о холодное железо, и поднёс руки к лицу. Они были испачканы в чём-то чёрном.

— Серый?... — хрипло вытолкнул я из пересохшего горла, и мой собственный голос показался мне чужим, словно донёсся из глубокого колодца. — Рэм?..

Ответом мне был лишь глухой, утробный вздох старого здания. Реальность снова сделала излом.

И тут я окончательно проснулся от странного ощущения, что проспал и куда-то сильно опаздываю. Вскочил и тут же сел на кровать, в глазах всё троилось. Что за дичь: Сашка, Сергеич, Крот, дед, Серый, Рэм, дикторша? Херня из-под коня. Приснится же такое. Сон во сне во сне? Я два раза не повторяю, не повторяю, не повторяю?

Жесть.

Надо поспешить, а то опоздаю.

Куда опоздаю?

За послешкольные годы понятие «опаздывать» стало для меня абсолютно абстрактным. Я всё же тщетно пытался понять: куда и зачем мне было нужно? Чувство это не покидало, и я тупо сидел на кровати, почёсывая онемевшую ногу. Видок у меня был ещё тот: косматый весь, как медведь-шатуни, что вылез раньше срока из берлоги, волосы на голове торчали в разные стороны, на морде лица краснела полоса, надавленная швом от подушки, кожа походила на мятый лист бумаги. Короче говоря, тот ещё красавец. Вот так и завис, пытаюсь сообразить, какого чёрта подорвался ни свет ни заря? Но, не придя ни к какому умозаключению, просто перестал ломать мозги, решив, что мне что-то приснилось и не стоит заморачиваться. Я встал с кровати, всё такой же полусонный, в одних труселях. Нашупав ногами комнатные тапки и шаркая по полу, поплёлся на веранду вскипятить воды, чтобы заварить чая. Пока ещё не пришли зимние холода, все прибамбасы для этого ритуала я хранил там, в старом фанерном столе, своей краской, шелушащейся разноцветным, напоминавшей слойку. Мне нравилось по утрам, сидя на веранде в старом кресле-качалке, курить сигаретку, попивая настой и, наблюдая через окно за округой, придумывать, чем займусь дальше. «Сейчас это то, что нужно, чтобы включить не желающие просыпаться мозги» — подумалось мне.

— Хорошее, блин, начало дня... Поднять подняли, а разбудить не разбудили, — мямлил сам себе под нос, потирая глаза и пробираясь тёмным коридором, ведущим из кухни на веранду к столь необходимому бодрящему напитку.

К утренней традиции чаепития меня ещё с детства приучила бабушка. И когда только она всё успевала? Встать спозаранку, чтобы, управившись по хозяйству, собрать в школу, заварить чай да приготовить обалдную (как шутливо называл меня дед) роскошный по тому сложному времени завтрак: огромные бутерброды с домашним маслом и колбасой. А иногда на столе ждали свежее испечённые сладкие промасленные блинчики или безумно вкусные пирожки с картошкой или капустой. О, какие это были пирожки, м-м-м, просто объедение! Все мои друзья обожали бабушкину стряпню, и те, что жили поближе, слетались на аромат, якобы случайно заглядывая в гости.

Ласковая моя и добрая бабуля, весёлый, иногда строгий, но всегда справедливый дед, неунывающие мои старички. Светлые годы беззаботного детства.

Деревня, родная деревня, с чудесным дурманящим воздухом, наполненным ароматами трав, цветов и хвои, друзья детства и свобода, почти полная свобода. Эх, где же это всё теперь? Мда-а... Где-то там, далеко, возможно, в другой реальности, и даже порою кажется, что уже не в моей. Разве то, кем я стал, и то, что произошло со мной, можно назвать жизнью, нормальной жизнью? Пожалуй, что нет.

Кто или что я теперь? Бродяга, человек без имени, без надежды, со своей безумной идеей и целью, почти бездушная оболочка, неприкаянно болтающаяся как кусок дерьма в проруби. Как в той старой песне: «Ни дома, ни друзей, ни врагов». Хотя последнее скорее не про меня — уж кого-кого, а врагов теперь предостаточно. Куда ни ткнись, одни «доброжелатели».

Есть, конечно, несколько близких, кому я могу доверять, но что это в сравнении? И ко всему вышеперечисленному в придачу ещё одно прилипшее, как «Колючая липучка», а для молодых и наивных сталкеров, авторитетное и пафосное прозвище. Глупость-то какая. Знали бы они все, откуда оно у меня. Было бы чем гордиться.

А что ещё? Ничего, в принципе, особенного: немного снаряги, шрамы — маленькие змеёныши, расплзшиеся по всему телу, не по возрасту проседь в волосах — вот, пожалуй, и всё, что есть на данный момент у меня — сталкера-проводника по прозвищу «Первый». Ну, разве что ещё парочка подарочков Зоны, а так... Эх, невелико богатство. Да мне много-то и не надо, какой от этого прок? Как по мне, так никакого. Пустота... Пустота внутри, а снаружи — скитание по самой большой помойке Вселенной — Зоне. Да уж...

Но в то утро у меня была какая-никакая надежда на ближайшее «светлое будущее» — ну, хотя бы попить ароматного чайку, да выкурить сигаретку и проснуться окончательно, что само по себе неплохо, а уж потом можно и подумать о планах на предстоящий день, чтобы не помереть со скуки в «нашем болоте». Всё это и было в моих незамысловатых рассуждениях до того момента, пока я не вышел на веранду. Там настроение сразу ухудшилось — его омрачили бескрайние массивные тучи, что виднелись через ширь окна. Они уныло ползли по серой жиже небосвода, словно огромные мохнатые черепахи-мутанты, норовя столкнуть одна другую в пропасть с их невидимой тропы. Начинаящий накрапывать мерзкий дождик был подтверждением того, что скоро одна из «небесных рептилий», нет-нет, да и рухнет всей мокротой своей пышности на пропитанную насквозь от проливных дождей землю осени. Эта картина несколько подпортила мои ещё только зарождавшиеся планы на день.

«Блин, твою бабушку за ногу... — подумал я, — долбаный дождь».

— Как же достал-то! Которую неделю подряд. Прорвало, что ли?

«И что теперь делать? Деньги на исходе, а цветняк надывать к вечеру не получится. До ближайшей нычки километров десять в одну сторону. Грязи через час по колено будет, осталось ещё промокнуть и заболеть для полного счастья. Та и ползать «козьими тропами» по грязюке Зоны неприкольно. Собирались же бухнуть с пацанами... Скуотища смертная», — мысленно ворчал и сетовал я.

— Зараза! — выругался вслух, сплюнув под ноги.

«Ладно, попью чаю и что-нибудь придумаю», — попытался утешить сам себя.

— Не! Ну ты посмотри, а! Это когда-нибудь кончится? Живём почти у реактора, а эти козлы опять свет выключили. Ну что ты будешь делать? — потыкал туда-сюда выключатель, будто от этого зависело, включится свет или нет.

«Всё, кина не будет, электричество кончилось», — вспомнилась крылатая фраза из старого фильма. Опёршись на дверкастый стол руками, слегка пнул ногой ему в пузо, на что звонком огрызнулось содержимое трухляющей утробы.

«Не, ну ни стыда ни совести у этих... вот же гады, а. У нас точно порядка никогда не будет».

— Как так-то? — продолжал возмущаться я. Обычно дед в таких случаях ворчал, что рыба гниёт с головы, а головы эти самые вышестоящие из жопы растут. «Ну и как чай заваривать? Куда теперь кипятильник втыкнуть? В место, откуда начальствующие головы растут? Придётся растапливать печь. Ага, ну да, конечно... разогнался Шумахер. А дрова-то в сарае, а сарай-то на улице, а там уже льёт как из ведра. Замечательно. Что за день такой? Опять в колхозе утро...» — при этих моих рассуждениях на небе сверкнула молния, и последовавший за ней грохот немного остудил мой праведный гнев. «Гроза в это время года? Странно», — ни разу ещё такого не было, и вот опять.

Бабуля в подобные моменты, когда среди туч, ухмыляясь, злобно скалилась молния, обычно крестилась и бежала выкручивать пробки из электросчётчика и выдёргивала антенный кабель от телевизора. Этот мысленный, вспомнившийся осколок детского прошлого заставил меня перестать негодовать по поводу отсутствия света и улыбнуться: «Суеверные они — мои старики, боязливые, как дети малые». На небе опять сверкнуло, и новая ударная волна звука донеслась откуда-то сверху. Улыбку мою тут же как рукой сняло. — А кабель надо всё-таки

выдернуть. А то ещё чего доброго в антенну шарахнет, без телика останусь, — сказал я себе, почёсывая затылок, и побрёл назад в дом. Новый хлопок где-то сзади и сверху заставил меня двигаться по дому немного быстрее. Ещё раз щёлкнуло, и язвительное эхо понесло по небу громогласное предупреждение миру о чём-то неминуемом. Теперь уже и от сонливости не осталось и следа. — Ну вот, здарсьте вам, ещё и гроза, — ворчал я, отключая антенный кабель. Сверху, казалось, чуть выше крыши, снова громыхнуло, да так, что я почти пожалел о последней произнесённой мною фразе. Было похоже на то, что кто-то невидимый, живущий на небе, отвечал, огрызаясь на каждую мою реплику, отвечал громогласно даже на мимолётные мысли. И снова вспышка за окном, а за ней почти неутихающий гул. «А дождя-то и нет уже, — заметил я, бросив короткий взгляд в окно, — странно, только что лил как из ведра и вдруг закончился».

— Что за бред? Вы там взбесились все, что ли? — обратился я с крупной долей иронии неведомо к кому, глядя на потолок. — Хорош шуметь, Зевс! Не гони, всё пучком! — прикрикнул я, определив для себя виновника необычного представления, на что в ответ раздался новый разряд, а за ним ещё, ещё и ещё. Становилось постепенно жутко. Такой грозы я не видел давно, а может, и никогда вовсе, да ещё и без дождя. Громыхнуло ещё сильнее, и подумалось о конце света. В памяти мелькнули отрывки из одного апокалиптического фильма, где по сюжету после ряда ударов молний в землю из глубины недр стали вылезать стальные треноги и всех попавшихся на их глаза людей нещадно испепелять. «Война миров». У меня вроде и книжка где-то такая была. Перспектива быть мгновенно переделанным в серую и лёгкую субстанцию не очень-то прельщала, поэтому я сразу попытался отогнать бредовые мысли о скорой кончине от рук пришельцев и обуздать разыгравшуюся фантазию. А грохот на улице, тем временем слился в несмолкающую какофонию, напоминающую гул работающего заводского цеха. За окном сверкало так, словно там, у меня во дворе, идёт рок-концерт и олимпиада электросварщиков одновременно, да ещё в придачу кто-то пускает периодически в окно мегазайчики, освещая авиационным прожектором всё помещение. От такого шума и световых спецэффектов мне становилось не по себе, к тому же начинала кружиться голова и немного подташнивало. Я, находясь в собственном доме, начинал слепнуть и глохнуть, меня мутило, и я абсолютно не понимал, что же это такое вокруг творится. Это было ново, странно и пугающе одновременно. Но я точно улавливал всем своим естеством, что происходит что-то противоестественное. «Может быть, нам кто-то объявил войну? Например, очередная сверхдержава, возомнившая себя пупом Земли и желающая заполучить нашу территорию и поработить народ. И сейчас эти сволочи испытывают на нас своё сверхоружие... А что? И такое бывает — я слышал что-то подобное в одной из телепередач», — крутилось в моих мыслях уже почти в полном бреде. Я, держась за голову и жмурясь, шатался по комнате туда-сюда, наталкиваясь на предметы моего нехитрого интерьера, оглушённый и ослеплённый аномальным явлением — явлением, которое позднее учёные назовут многозначным и пафосным словом «ВЫБРОС». Но тогда я не имел и малейшего понятия: что происходит и что делать. Впрочем, как и многие другие люди в радиусе нескольких десятков квадратных километров, попавших под остаточную волну ударного вектора первого Выброса. Всё произошло неожиданно и стремительно, большинство людей просто не успели ничего сообразить и сделать, за что и поплатились жизнями. Но у них и выбора-то не было особо, как и у меня, впрочем. Страшно подумать: тысячи жизней сгорали в тот момент в квантовом огне чудовищной силы, не зная о том, что они горят. Горят не только телом, но и душой, ментальной своей проекцией, аурой, энергосущностью. Горят не как поленья в печи и даже не как спички, а скорее как брызги бенгальского огня, зажжённого в новогоднюю ночь. Вспыхивают и гаснут тут же, как мимолётные искры костра на ветру, уносимые ввысь, чтобы одним навсегда исчезнуть, другим же, превратившись в пепел, стать удобрением для новых всходов жизни. Иным же, самым редким исключением, судьба уготовила переродиться и восстать из праха лучезарным фениксом — каждому своё. Такой вот

дьявольский новый год и одновременно день рождения новой Зоны праздновал на обживаемой территории Выброс, используя всё живое вокруг как элементы пиротехники. Дата отмечена. Сорняки уничтожены. Почва Зоны подготовлена и удобрена. Семена посеяны. Остаётся ждать всходов.

Я болтался по дому всего несколько секунд, хотя было ощущение, что целая вечность проползала мимо меня шипящим, ослепительно-ярким и гудящим, как паровоз-титан, удавом. Обвивая и сдавливая массивом мышечного тела со всех сторон, что мне уже нечем было дышать, когда я осознал — это всё — конец. Путь мой завершался. Глупо, нелепо, скоротечно и странно, но завершался. Да не так уж было и важно в те мгновения, по какой причине это со мной происходило, просто всё подходило к финалу моего существования в этом измерении. Последний вдох, последний выдох — и всё... всё. И вдруг стало легко. Я отделился и воспарил над своим телом, над домом, над миром и теперь летел куда-то к свету и теплу. Мне подумалось, что наконец-то всё закончилось, жизненный путь завершён, я умер и теперь лечу в рай, Джаннат, Валгаллу или куда-нибудь ещё далеко-далеко, но обязательно в очень хорошее место, где не будет ни боли, ни страданий, ни лишений, и теперь всё станет обязательно хорошо. Я не просто улетал, я дрейфовал, кувыркаясь весёлым дельфином в ванили океана наслаждения, плыл не вверх и не вниз, просто растворялся мягким облаком в небесной нирване умиротворения и небытия, и мне это пьянящее состояние нравилось. Я становился всем и ничем одновременно, превращаясь в волновую энергию — в абсолют. Я уже ни о чём не жалел и ничего не хотел, ни о чём не думал. Ничто меня более не тревожило, я просто парил мягкой дымкой в бескрайней неге блаженства и эйфории, купаясь в энергетических и световых потоках мироздания, испытывая сладостные мгновения своего существования в новом состоянии, перед тем как окончательно раствориться и слиться с бесконечностью вселенского бытия...

Глава 2. Перепробуждение

Мечутся хаотично в хитросплетениях волновых излучений микрочастицы. Ударяются друг о друга атомы и разлетаются мгновенно в расстоянии миллионов световых лет. Радужные пятна энергий, разливаясь акварелью, перемешиваются, постепенно превращаясь сначала в бурую, а затем в чёрную вязкую субмассу. Чернота. Свет. Повсюду чернота, переходящая в свет, и наоборот. Тьма, не имеющая ни начала, ни конца, гамма-шилом прокалывается откуда-то извне, показывая на мгновение то, что находится за плотным занавесом астрала, и в точках проникновения вспыхивают ультрафиолетовые квазары. Нечто собой обволакивает Ничто, и в этом нанотрансформологическом бульоне, перемешиваясь, возникает следующий виток спирали мироздания, зарождающая в себе новые формы материи.

Я. Я есть! Я — это всё! Я — как это много и как это мало одновременно. Я — это Мы, только сжатый до уровня бинарной частицы. Мы — это как единое Я, только умноженное многогранно бесконечностью. Я — Нечто и Я — Ничто. Я частичка, и я Бог. Я есть всё. Я — это квантовый мир, это там, где одновременно и да и нет, начало и конец, свет и тьма. Я — вариативность. Здесь нет понятия времени и пространства. Здесь — это вечность, помноженная на мгновение, и мгновение, разделённое на бесконечность. Абсолют. Я Абсолют. Я. Я. Я!

[Голос бабушки]: «Я — последняя буква в алфавите, ученик...» [Раздалось эхом]

Боль накатила на полубезжизненное тело девятым валом, обрушилась мерзким ощущением увязания в липкую грязь, смешанную с мертвенной холодностью этого почти забытого мною мира. Эта волна гадости, перемешанной с осознанием возврата в жалкое существование никчёмного куска мяса, глубоким вдохом ударила мне в грудь. Удар неистовой силой, подобный электрическому разряду в несколько десятков тысяч вольт, вырвал из больного тела дикий вопль.

— А-а-а-а! М-м-м-м... — застонал я, скрутившись в единый напряжённый комок нервов и мышц. Держась за голову обеими руками, прижался лбом к холодным коленям — скрючился. — Что за?.. м-м-м-м... — снова застонал.

«Как же больно», — первая мысль горошиной полетела куда-то в темноту и, ударяясь о нити паутины нейронных связей, отскакивая и звеня, протарахтела вниз.

— Голова... мо... моя голова... Что это было? Где?.. Ай-и-и.... Где я? Что... Что произошло? — мычал и шипел, пытаюсь приоткрыть глаза.

Меня мутило и выкручивало изнутри, всё тело ныло и иногда дёргалось в каких-то предсмертных конвульсиях. К тому же в висках ужасно пульсировало тамтамами. Не знаю, сколько времени это состояние длилось, но я порядком подустал так болезненно корячиться, лёжа на холодной поверхности земляного пола. В голове стала появляться более-менее осознанная цепочка мыслей, призывающих, наконец, если и не вскочить сразу, то хотя бы просто приподняться и постараться разобраться: где нахожусь, что случилось и вообще, что, чёрт его дери, происходит? Продрав кое-как опухшие глаза, моргая, стал вглядываться сквозь пелену в необычную полутьму, окружавшую со всех сторон, одновременно пытаюсь прислушаться к подозрительному, едва доносящемуся откуда-то звуку. Вокруг разливалось слабое зеленоватое свечение, а поблизости, примерно в двух метрах от ног, что-то хлюпало и булькало.

Втянув носом воздух, почувствовал противное амбре вперемешку с резкой гниlostной вонью, похожей на уксус или что-то наподобие того. «Кислятина», — подумал я. Сложно сказать о своих ощущениях: боль обжигала конвульсиями моё побитое неведомо кем тело. Все чувства, кроме преобладающей болезненности, ещё не в полной мере вернулись, но я заставил себя пошевелиться. Для начала отпустил пульсирующую в висках голову, разогнув руки в локтях, покрутил кистями и хрипло заметил вслух: — Вроде на месте. Затем проделал тот же трюк с другой стороны тела, сделав пару круговых движений стопами и выпрямив ноги, констатировал мысленно: «И эти в порядке. Так, с конечностями разобрался, а раз мысли думаю, то и голова, значит, присутствует. Я не «большой» начальник, поэтому пользуюсь для мыслительного процесса исключительно ею, из чего следует вывод, что она-то уж точно есть. А раз и сарказм имеется в наличии, то с чувством юмора также порядок, значит, надежда на дальнейшее положительное развитие событий существует».

Ощупав немного туловище, я пришёл к выводу, что существенных увечий не получил, и это тоже на данной стадии импровизированного медосмотра не могло не радовать. Полежав ещё немного и придя окончательно в себя, произнёс вслух: — Надо подняться в вертикальное положение и осмотреться: куда я попал и что это за сияние такое вокруг? «Вроде бы в моём доме нет зелёных лампочек, да и зимние мероприятия ещё не скоро, чтобы гирлянды тут празднично иллюминировали», — силенс размышлять логически. Кряхтя, попытался сесть и тут же стукнулся головой о какую-то доску.

— А-у-м! С-собака! — коротко выругавшись на объект, препятствующий подъёму, и потирая место ушиба, снова попытался пересесть иначе. Пыхтя и охая, умачиваясь на корточки чуть поодаль от злосчастного места вынужденного отдыха, выругался на собственную клячесь, потом ещё раз на доску и шишку великих размеров, оказавшуюся на моей голове и которой только что вторично шваркнулся — скорее всего, о ту же самую доску, от которой она и образовалась ранее. Оказавшись в таком полувертикальном положении, можно было смело изучить обстановку вокруг себя.

Вырисовывалась такая картина: я находился в подвале собственного дома и теперь постепенно припоминал, что накануне вечером, когда доставал консервацию на ужин, просто забыл закрыть люк. А когда, шатаясь незрячим медведем-шатуном наутро по своей берлоге, ослеплённый и оглушённый необычной грозой, выперся на ощупь в коридорчик, соединяющий кухню и веранду, где, собственно, и находился открытый люк, — тут же ввалился в него всей

своей семидесятидвухкилограммовой неуклюжестью. И тем самым материализовался в собственном подвале с ушибленной башкой и в бессознательном состоянии.

— Вот так вот! Элементарно, Ватсон, — подытожил известной фразой с определённой интонацией. — Стоп, Шерлок хренов, — продолжал мямлить сам себе. — Слепоглухота и несмолкающий гром и молния, шатание по дому из угла в угол, ощущение близкой и неминуемой смерти, полёт в райские кущи — что это всё было?

Мысли закрутились дёрганым вихрем, в глазах появился хоровод световых пятен и звёздочек. Воспоминания о странном утреннем событии попёрли бульдозером, призывая незамедлительно, забыв про боль и головокружение, встать и разобраться во всём случившемся. Я попытался вскочить на ноги, но вновь грохнулся головой о какую-то полку, на что в ответ многоголосо завизжала разномастная стеклотара. Пара стеклянных подруг, стоящих в начале импровизированной очереди на съедение — по-видимому, особо резвых и настырных и уж точно не желавших быть скушанными — воспользовавшись моментом для побега, соскочили и устремились по направлению к земляному полу, где, приземлившись, молниеносно разлетелись пупырчатыми огурцами, вялым укропом и помидорами в разные стороны. Бдыщ! После этой драматической сцены «Побега из овощного Шоушенка» от меня последовал ряд реплик не очень цензурного характера в отношении неровного подвала, матери его, количества и внешнего вида огурцов в банках и на полу и цвета размазанных помидоров. Затем последовала тирада по поводу возникновения шишки на дурной тыкке хозяина. Прозвучала непристойная фраза в адрес произошедшего необъяснимого события, которому вместо того, чтобы калечить приличных людей, следовало бы отправиться куда-нибудь и подальше погулять лесом, да желательно очень надолго, и там, в глубине его чрева, радовать своими световыми и звуковыми спецэффектами местных зверушек. Чуть погодя, успокоив свои расшалившиеся нервы и утерев матерную пену, да поднявшись на пока ещё слабые ноги, я обнаружил, что в подвале стало гораздо светлее, и это несмотря на отсутствие электрического освещения. Зеленоватое свечение, ставшее причиной почти праздничной иллюминации, исходило откуда-то из-за угла. «Опять стоп! В моём подвале нет никаких «зауглов». Это одно цельное квадратное помещение, три на три. Какие к дьяволу тут могут быть повороты?» — размышлял я, задаваясь очередным вопросом, начиная медленно двигаться к лучезарному месту, где к тому времени что-то булькало и чавкало уже значительно громче, а иногда шипело и отвратно смердело каким-то «кислючим парагваем».

Стараясь ступать как можно осторожнее, словно опасаясь спугнуть кого-то, продолжил движение к изумрудному сиянию. В том месте был своего рода закром, в котором я обычно хранил картошку. В данный момент моя картошка светилась и булькала. Причина происходящего мне была неизвестна, и вполне естественное влечение узнать «а что же там всё-таки творится?» брало своё. Было очень уж любопытно: что за гигантский чернобыльский крот-светлячок смердит, поселившись у меня в подвале, проделав предварительно себе огромную нору куда-то вбок и вглубь пола и стены? Я уже был готов увидеть практически что угодно после утреннего «фестиваля» в моём дворе, после полёта в псевдорай и помпезного возврата из него путём падения в собственный подвал — морально настроился лицезреть любое новое «чудо».

Но увиденное превзошло все мои ожидания и повергло в очередной шоковый ступор. В стене и полу подвала виднелась внушительных размеров дыра. Складывалось впечатление, что её сделали огромной ложкой: просто взяли и зачерпнули из тарелки точно кусочек застывшей манной каши или фруктового пудинга. Легко так и непринуждённо зачерпнули, оставив ровные края, а затем съели, не обронив ни кусочка. Но я отчётливо помнил, что вчера вечером, когда спускался сюда, всё было в порядке. Подвал был цел, а картошка абсолютно не светилась, хищно шипя в мою сторону из дыры за досками закрома. Да и вообще всё это бредом сумасшедшего пахивало... кислым бредом. «Может, это глюки?» — предположил как вариант.

Я приблизился ещё немного, чтобы увидеть, что там на дне этой выковырянной кем-то или чем-то дыры, прекрасно понимая, это явно не картофельная дискотека с лазерным шоу гринового цвета. И только я попытался заглянуть через бортик на источник загадочного сияния, как тут же навстречу мне откуда-то снизу начал медленно подниматься полупрозрачный, похожий чем-то на мыльный, но только огромный слизистый пузырь. Он вздувался и светился, переливаясь разными оттенками зелёного, и судя по всему, собирался уже взлетать. «Что же это за мылопровод прорвало под моим домом?» — подумалось мне, и я попятился от ужаса назад, понимая, что лететь ему-то особо недолго и, упёршись в потолок подвала, этот липкий «колобок-летун» обязательно лопнет. Все мыльные пузыри лопаются так или иначе, рано или поздно, и обильно забрызгивают рядом стоящих зевак оставшимися от них каплями. Чем этот «друг» отличается от своих мыльных сородичей? Наверно, лишь тем, что в моём случае брызги могли оказаться далеко не мыльными и пахучими, а очень даже наоборот. А смердеть как скунс, облитый уксусом и очень «туалетной» водой, мне не сильно-то и хотелось, и я отошёл к дальней стене. Упёршись в неё пятой точкой, ещё некоторое время буксовал босыми ногами по влажной земле подвала, вылупляя глаза в направлении этого «счастья».

«Смердячий колобок», как я в уме окрестил пузырь, медленно плыл вверх. И каково же было моё удивление, когда он, достигнув потолка, не лопнул, как прогнозировалось, а продолжил своё путешествие дальше, не меняя траектории и скорости полёта. При этом он, как раскалённый металлический шар, брошенный в сливочное масло, шипя, проплавлял огромную дыру в потолке подвала, а соответственно и в полу моего дома. Без малейшего усилия, не спрашивая на то моего разрешения, вот так просто взял да и отправился ко мне в гости — нехотя и лениво из подвала прямиком в зал. — Э-э-э! Ты куда?! Это, блин, стой! — наивно вырвалось из меня. Стоя в полном недоумении от такого нахальства со стороны непрошеного «Гринпис-разрушителя», я не верил своим глазам. Чувствуя себя полным олухом, не понимающим смысла происходящего, так и стоял с вытянутыми руками как попрошайка. Тем временем, видимо воспользовавшись моим замешательством, шар окончательно взмыл вверх и исчез из поля зрения, оставив после себя зиять идеальной окружности тёмную дыру. Пару секунд спустя в зале наверху раздался хлопок, как если бы прокололи воздушный шар приличных размеров. От неожиданного звука я вздрогнул и вроде бы даже очухался немного после перенесённого только что стресса и тут же суховато сыренизировал: — Лопнул, засранец. Долетался.

Ещё пару секунд спустя после хлопка наверху последовало нарастающее шипение. Фантазия разыгрывала картину, в которой рука титана взяла охапку гремучих змей и бросила мокрыми в гигантскую сковороду с кипящим маслом, стоящую посреди комнаты на огромной кухонной плите. И теперь эти гады ползучие скворчат и корчатся, извиваясь и шипя в предсмертной агонии. Из дыры сверху сквозняком понесло ещё сильнее чем-то невыносимо трудным для носа, уже почти привыкшего к «благоуханиям» обновлённого подвала. В зелёном углу импровизированного ринга подвальных боёв без правил между человечеством и «Смердячими колобками» снова что-то громко пукнуло. Мой взгляд автоматически устремился в сторону звука. Из светящейся теперь уже вовсю ямы начинала лезть зелёная пена, угрожающе шипя и лопааясь мелкими пузырями, разъедая старые доски закрома: П-ш-ш-ш! И пена эта медленно, но верно расползалась в разные стороны лучезарной кислотной лужей, подъедаая стойки стеллажей, на которых кучно «гнездилась» консервация, и остальное подвальное имущество. Понимая, что для жижи я тоже не ахти какая помеха, а может, даже и наоборот, вкусный десерт, решил не дожидаться, пока эта пузыряющаяся масса доберётся до меня в надежде отведать на закуску пока ещё нужных мне ног. Бросив скользкий взгляд по полу, я обнаружил рядом с собой разбросанные тапки, быстро воткнул в них грязные и закорчевевшие от подвальной сырости ступни, рванул к лестнице и вихрем вылетел из становящегося опасным помещения. От такого адреналина вся болезненность улетучилась в один миг вместе с лопнувшим в зале «Смердячим колобком».

«Что же это за кислотная баня получается у меня под домом? Кто её там устроил? Явно, что это не новый способ гниения порченого картофеля. Но тогда что это, вашу мать, такое творится?» В подвале с диким грохотом повалился стеллаж с трёхлитровыми банками.

— Зараза ты такая! — почти плача, процедил я сквозь сжатые зубы. — Все запасы пропадают. Бли-и-ин... — протяжно заскулил, прикрывая ладонями уже наполняющиеся слезами глаза.

Я уже почти плакал, сожалея о проделанной огромной работе по заготовлению припасов на зиму, о новых полочках, которые мы вместе с дедом мастерили этой весной, о таком не просто хорошем, а очень даже замечательном урожае картошки. Мне было очень жаль бабушкиных бочковых помидорчиков и таких же вкусных малосольных арбузов. Я всхлипывал, проклиная всё и вся, молил и матерился, дёргая волосы на голове и топая, как ребёнок, ногой. Да, скорее всего, сказался стресс от последних пережитых событий, а может, это было осознание того, что кушать этой зимой будет просто нечего, и перспектива голода не могла не сказаться на моём эмоциональном состоянии. Конечно, это была чушь по поводу голодухи. Ведь на соседней улице живут дед с бабулей, а они-то уж точно не бросят любимого внука ждать голодной смерти в гости. Но было ужасно обидно за долгие часы и силы, потраченные в летний зной на трижды проклятый огород. Я истерил и бубнил себе что-то под нос, а в подвале подо мной всё падало и шипело, рушилось и билось. Припасы самоуничтожались вместе с моими надеждами на сытую и независимую зиму, превращаясь в зловонную пенную жижу.

Глава 3. Побег из собственного дома

Воспоминания – цветные слайды старого диакопа, меняющие друг друга. Первая оттепель мартовских дней шепчет на ушко свежим дыханием весеннего ветерка: «Скоро жизнь, скоро жизнь. Радость-весна зальёт землю золотом тёплых дней. Скоро солнечные зайчики, размножаясь, поскачут по луговой траве, играючи брызгая талой водой из ручьёв и озёр». Капли, спрыгивая с сосулек, поют на лету: «Скоро веселье! Скоро тепло! Это любовь!» Дзинь! — разлетелись бриллиантами в разные стороны и покатались, покатались по траве, звонко хохоча, как девчушки.

Достал коробку с дальней полки, смахнул пыль, открыл, а там уже лето в журнале памяти «Весёлые картинки». Рыбалка, грибы, свежие овощи с огорода, черешни сладкие, как счастье. Забавные ссоры с бабушкой по поводу непрополотых грядок. Райская жизнь в собственном мире, без малейшей тени сомнения, что может быть иначе. Это ли не благодать?

Моргнул, а перед глазами уже простыня экрана в нашем стареньком ДК, а на ней киносепия — «Осень». И откуда-то доносится тихое пение, это «Вальс-бостон» звучит из бабушкиной радиолы. Шипит бархатом звука пластинка, умиротворяя голосом Александра Розенбаума:

«На ковре из жёлтых листьев
В платице простом
Из подаренного ветром крепдешина
Танцевала в подворотне осень вальс-бостон...
Как часто вижу я сон,
Мой удивительный сон,
В котором осень нам танцует вальс-бостон.
Там листья падают вниз,
Пластинки крутится диск:
«Не уходи, побудь со мной, ты мой каприз...»¹

¹ Строки из песни «Вальс-бостон» (автор текста и музыки — А. Я. Розенбаум).

И вдруг чихнул. Закрыв лицо руками. Убираю руки, открываю глаза — а я мчусь на санках с горки, а Мишка кричит, сидя позади меня: «Смотри, смотри! Фазан побежал!» И мы, хохоча, ловим ртом летящий из-под полозьев снег. Мороз. Солнце катится по небу новогодним апельсином, яркое-яркое — аж слепит глаза, и хочется, зажмурившись, подставить ему свою мордашку. Сосны — могучие великаны, доставая макушками до небес, виднеются чуть вдали. А там, на излучине реки, ребята уже ставят ворота — завтра ж хоккей! Ура!

Идёшь домой счастли-ивый-счастливый. А штаны словно сделаны из картона, хрустят с каждым шагом, варежки на резинках телепаются, как две ледышки, шапка набекрень, а задница вся синюющая от холода. Вот же даст бабуля по шее кухонным полотенцем, когда приду домой под вечер! А дед скажет, что нужно обязательно самогонкой меня растереть, чтоб не было воспаления, а сам под шумок рюмку нальёт и себе: «Для прохвिलाктики!» Вот же она жизнь! Вот оно — блаженство! Рукой только подать!

Не помню, сколько времени прошло, пока я истерил в темноте коридора, теперь уже над могилой своих летних трудов, но ощущение, что подо мной вот-вот проломятся доски пола, которые начинали странно поскрипывать, заставило взять себя в руки, вытереть сопли и сделать пару шагов в направлении кухни. Только тогда до меня дошло, что на улице снова ночь, и в доме, кроме подвала и зала с зелёным светом, везде царила темнота. Яркое свечение из открытого люка в коридоре уже меньше заботило меня, и я решил, что надо срочно найти фонарь и пойти в ещё, возможно, целую спальню, чтобы одеться.

Пока шарил руками по кухне, пытаюсь найти спички, в голову пришла пара мыслей по поводу моей отключки. Получалось, что я провёл в бессознательном состоянии уйму времени, что само по себе было странно.

Первое: как я не замёрз в подвале насмерть — вообще было неясно. Бывали случаи, когда люди терялись в лесу и даже в одежде замерзали при плюс десяти всего за одну ночь, а тут прошло явно больше времени, да и в подвале у меня температура поднимается всего до пяти градусов тепла даже летом. Кроме как чудом это всё назвать никак нельзя.

Второе: почему никто не приходил и меня не искал? Обычно дед по пять раз на дню заскакивал выкурить по сигаретке, да и бабуля тоже не обделяла меня своим вниманием. Живём мы на расстоянии нескольких домов друг от друга: они — на улице Школьной, а я — в переулке Набережном, что, в общем-то, совсем рядом. Старики мои шустрые, носятся как заведённые целый день по деревне туда-сюда и мимо моего дома просто так не проходят, обязательно наведываются на пару минут. И теперь настораживало то, что никто из них за целый день так и не зашёл. Ну, допустим, грязь и аномальная гроза могли нарушить планы моих пожилых путешественников, но мобильник тогда на что? У них он хоть и древний орехокол, но всё же какая-никакая, а связь. Лучше, чем ничего. По-любому бабуля позвонила бы поинтересоваться, что случилось и почему дома никого, а двери все нараспашку. После чего прозвучала бы в трубке напутствующая «политика партии» типа:

«Дед приходил стрелкнуть сигарету, а никого дома не было. Где тебя, окаянного, носит в такую погоду? Опять, небось, с пацанами металл из Зоны тащите? Смотри мне, доиграетесь! Поймает участковый за жопу, и посадят в места не столь отдалённые лет на пять-десять. Что мы будем делать без тебя? У деда вон и так сердце слабое! Ты его в могилу свести хочешь раньше времени? Ладно, посадят – полбеда. Отсидишь и выйдешь. А коли лучиться начнёшь как ёлка новогодняя, что тогда, а? Мне тебя лечить за свою нищенскую пенсию? Чернобыльцы оставшиеся вон по два раза на год переливание делают, ты тоже хочешь такой халявы? Жалко, здоровьем не вышел, пошёл бы в армию служить, там быстро научили бы «как родину любить». Иди домой, зараза! Кому сказала? Бегом!»

Вот такого плана могла бы состояться односторонняя беседа по телефону между «главами малых государств», если бы приходивший в гости дед меня не застал. Вот и непонятно

было: то ли дед не приходил, то ли от аномальной грозы связь вырубилась, а может, ещё что стряслось? Жутко представить... Вопросов было миллион, а ответов — ноль.

— Чёрт, а мобила в зале на зарядке осталась. Ключевое слово — «осталась», — ворчал я, медленно двигаясь в потёмках. Нашупал в шкафчике налобный фонарик с ремешком, надел его на голову и включил. — «Да будет свет», — сказал электрик и перерезал провода! — бодрячком вырвалось из меня, как в пионерской юности. — Ну вот, хоть какое-то положительное событие.

Этот фонарик я обычно брал для ночных вылазок в Зону. Бывали случаи, когда днём не было возможности забраться в какое-либо здание, для того чтобы там пожить цветняком. Пожить, естественно, так, чтобы при этом остаться никем незамеченным. Вот и приходилось выдвигаться с вечера, ради того чтобы ночью проверить все свои дела и уже к утру с добычей вернуться обратно. Фонарь, крепящийся к голове, был отличным спутником и помощником: он не мешался, светил куда надо и к тому же не заставлял себя искать, будучи всегда в боевой готовности, а в случае шухера оставлял за собой право одним движением обесчеловечиться, не потерявшись при этом.

Ночные вылазки в Зону были по-своему удобны и относительно безопасны, насколько понятие «безопасно» применимо по отношению к радиоактивной Зоне в тёмное время суток, конечно. Но был у этих ночных путешествий с дневными и один общий минус. В обоих случаях, урвав «большой кусок пирога», нужно было тут же умудриться до обеда его «слить», пока не хватились там внутри периметра. Требовалось всё приобретённое незаконным путём имущество сдать в нужное место надёжному «чёрному» приёмщику, потому что если утащишь особо ценный и жирный кусок, то его обязательно хватятся местные хозяева. И «безмерно добрые волшебники» в голубом, порхая на вертолёте, станут искать «виновника торжества», чтобы «выразить ему своё глубокое почтение с поздравлениями». А после того как найдут, «покажут бесплатное и незабываемое кино» — так, что холодное эскимо обязательно понадобится для прикладывания к местам «кинопоказа» на теле. А происходило такое мероприятие в ста процентах случаев: всё, что находится внутри за колючкой, уже давно поделено негласно, между разными «большими шишками» из столицы нашей великой родины.

В общем, избавляться от такого «нажитого добра» всегда надо было сразу и быстро, иначе потом будут трясти всех, кто у местных стражей правопорядка был на карандаше. А раз будет тряска бубнов, то «потрясаемые» кого-нибудь обязательно сдадут с потрохами. А такой расклад не исключал и вариант того, что могут выйти на меня. Но, несмотря на всю эту суету по поводу «утренней сдачи сокровищ» и последующего ухода в глубокое подполье, я любил ходить в ночную Зону, и мой фонарик был надёжным, почти безотказным напарником, главное только не забывать менять батарейки.

В этот раз фонарь был нужен немного для других целей, и всё же его возможность крепления к макитре была только кстати, ведь он, как и раньше, оставлял руки свободными. И вот обладая наконец-то источником света, можно было направиться в спальню за одеждой, чем я и занялся.

Комната оказалась почти не тронутой за исключением разбитого окна и бумажек, всюду разбросанных по полу — видимо, получившим свободный доступ к помещению ветром. Не обращая на бардак никакого внимания, я подхватил со спинки стула, стоявшего возле кровати, свои повседневные рабочие джинсы и натянул их на заочевшие от холода ноги. Это не ватные штаны, но всё ж лучше, чем одни трусы. Только теперь начал чувствовать, что весь трясусь как цуцик. Разобравшись со штанами, схватил футболку и быстренько натянул её через голову, не снимая фонарика, а когда пришла очередь свитера, фонарь пришлось временно удалить с волосатого основания. Носки надевал на грязные ступни уже в последнюю очередь, так как имел дурацкую манеру закидывать их под койку перед тем, как лечь спать. Пока, стоя на четвереньках, доставал «бумеранги» из паутины и пыли, снова пару раз ушибился большим

местом об металлическую перекладину сетки кровати, благодаря чему моё ложе узнало о себе много нового и не очень приятного. Едва закончив процедуру облачения в свои повседневные доспехи и напялив на «покоцанную бошку» спасительное светило, услышал почти одновременно из коридора и зала сначала треск, а затем грохот.

— Рухнул пол, — сухо и безразлично резюмировал произошедшее крушение.

К тому моменту я уже почти смирился с потерей своего дома и не пытался особо разбираться в вопросах возникновения под жилплощадью такого огромного количества пенной кислоты, которая вот-вот собиралась поглотить целиком всю мою халупу. А какой теперь был смысл в излишнем волнении? Потеря имущества? Да какое там имущество? Кроме еды в подвале, от которой теперь не осталось и следа, да маленького чёрно-белого телевизора и потёртой «Моторолы» в этих стенах не было особо ценных вещей — так всякая мелочь: тряпки да старая мебель времён великой и могучей страны. К тому же телик стоял на тумбочке в зале, мобильник лежал там же. А так как, судя по звуку, пол в зале теперь отсутствовал, то и надежда на целые, висящие в воздухе источники развлечения, пропаганды и связи тоже испарялась вместе с кислотными парами на радость новым обитателям бывшего подвала, а ныне революционного подполья обновлённой псевдопартии зелёных.

«Фотоальбом и книги жалко...» — неприятная мысль полоснула лезвием бритвы по душе. Вот это точно дорогого стоило.

К слову, «колобковые» испарения уже ощутимо плотно заполнили комнаты дома своей зловонностью. «Ароматы» распространялись с приличной скоростью, и к тому моменту, когда я закончил одеваться и двинулся по направлению к кухне, стало трудно дышать. Не помню, что именно хотел там взять, но только в свете фонаря на глаза мне попала сумка с противогазом, респиратором и фильтрами к ним. Не знаю, зачем нужно было держать её на кухне, висящей нелепо на гвоздике. Помнится, что на Хэллоуин мы с друзьями наряжались в разных чертей, и я не нашёл ничего остроумнее, чем напялить противогаз и старый дедов плащ-палатку с огромным капюшоном. А что может быть страшнее молодого балбеса, дышащего самому себе в лицо перегаром в противогазе с запотевшими стёклами, бегающего по деревне и размахивающего руками, как крыльями, с криками: «Я ужас, летящий на крыльях ночи! Я блоха, что забралась в постель к бабке Машке! Я чёрствый хрящ!»

Праздник прошёл, но я, видимо, от лени своей, так и не отнёс сумку со средствами защиты в сарай. Мигом схватив её, извлёк на свет теперь уже спасительные предметы, без которых в ближайшие полминуты мне пришёл бы «кирдык». Быстренько сняв не выключая фонарик, натянул очиститель воздуха на лицо. Ясное дело, что противогаз здесь оказался лишним и неудобным, респиратора вполне хватало. Так как полоумным защитником Сен-Канара прикидываться не оставалось времени, да и трезвым я был, выбрал упрощённый вариант защиты для своего «клюва»: надев респиратор, отшвырнул в сторону противогаз как лишний груз. Вернув в исходное положение лобное «светило» и перевесив через голову сумку, быстро схватил с вешалки потёртую кожанку и, накинув на себя, отправился по лестнице, ведущей из кухни на чердак.

Причина, по которой выбрал подобный манёвр для дальнейшего отступления, была банально проста — пол под ногами мог не выдержать моего веса: он уже начинал светиться через щели ядовито-зелёным, что означало его скорое и неминуемое сползание вниз в пучину кислотного мини-моря, образовавшегося к тому моменту под домом и ненасытно поглощавшего фундамент постройки. Дорога же через коридор и веранду была отрезана обвалом. Окно в кухне выносить было некогда, к тому же не очень-то и хотелось, не хватало ещё порезаться в потёмках об осколки стекла. Единственный и пока ещё свободный путь лежал через чердак. На горище минуты две-три можно было распланировать дальнейшие действия и варианты отхода из собственного дома, чем я и занялся, оказавшись наверху.

Решение пришло само собой, когда на глаза попался новенький пожарный топор, лежащий неподалёку от чердачной ляды. Схватив увесистого товарища, смачно обработал им первый попавшийся участок шифера. Хотя у меня оставалось ещё несколько минут в запасе, дожидаться не стал, пока моя обитель зла, как медленный лифт, отправится в пучину зелёного ада вместе со мной — своего рода безбилетным пассажиром. Взял да и выбрался на крышу через проделанный проход, с топором в руках, который стало просто жаль оставлять на растерзание зловонным поглотителям. Я стоял на крыше почти гордо, как всё тот же супергеройский селезень с развевающимся чёрным плащом, только у меня вместо плаща болтались на ветру засаленные патлы, аккуратно обхваченные ремешком фонарика, «бандитская» потёртая кожанка, ну и слегка рваные на коленях джинсы. Выскочка из утятника, слегка припудренный налётом постсоветского перевода — «Святоутинский защитник», бабушку его за ногу.

«Эх, если бы меня кто-нибудь из пацанов сейчас видел. Я очень даже круто смотрюсь в таком прикиде на фоне занимающегося рассвета», — с долей восторга и гордости подумалось мне. Но громоподобное падение чего-то массивного внутри чрева мутирующей хаты заставило задуматься о спуске с крыши на безопасную землю без геройства.

И тут обнаружилось, что на мне нет обуви. Тапочки остались в спальне, а ботинки стоят на кухне под вешалкой. Я так торопился ретироваться из дома, что забыл обуться. Отчаянье по поводу открытости дырявых на пятках носков улетучилось, когда вспомнил, что на чердаке подвешенные за шнурки висят охрененно-крутые, почти новые берцы. Бабуля где-то «скоммуниздила» их в секунд-хенде недели две назад, когда ездила в район на рынок. Я приберёг их для особого случая. Случай представился.

— Отлично! — и нырнул в дыру.

Когда выбрался секунд через пятнадцать опять на крышу, на мне были блестящие «ортопеды». Я сел и быстро зашнуровал обувку, затем схватил лежавший рядом топор и шумно потопал «танковой» подошвой по шиферу в сторону веранды. Дом стал поскрипывать и крепиться. Спрыгнуть с низкой деревянной пристройки не составило особого труда. Оказавшись наконец на устойчивой поверхности, отбежал в сторону калитки, там снял респиратор и, сделав глубокий вдох, наконец-то почувствовал себя немного лучше.

Предутреннее небо постепенно начинало сереть, когда я с облегчением ощутил твердь под своими озябшими и трясущимися ногами.

Глава 4. Новый рассвет

Прошрое, настоящее, будущее – три пряди, состоящие из неисчислимого количества судеб. Они словно нити, туго сплетённые в косу вечности, давят одна на другую, ломая хрупкие и неокрепшие волокна, ограничивая пространство, делая даже сильных больными. На каком витке находится мой разум в данный момент? Где застрял я среди этих хитросплетений? Куда затерялась душа в этом коловороте вселенной? Где же я и кто я? Если это прошлое, то почему я говорю о нём, словно оно происходит в данное мгновение, будто это сейчас? Но если это сейчас, то почему я ощущаю себя после – в будущем и почему знаю, что это уже случилось? Я знаю точно одно – теперь я Сталкер. Я знаю, кто я. Только почему в мыслях своих снова двигаюсь по спирали, вновь и вновь проживая по кругу всё, что уже пережил когда-то давно? Где выход из этого цикла безумия? Возможно, он за этой дверью, через щели которой виден загадочный свет и несёт запахом еловой свежести? Может, ответ где-то там? Да! Я чувствую, мне нужно туда! Выход есть! Там моё спасение. Ещё немного. Ещё чуть-чуть, и я освобожусь от этого бреда. Сейчас только открою дверь, и там всё будет как надо, там всё будет хорошо, там мой дом. Мне точно туда. Тьма рассеивается. Поднимаю веки. Свет ослепляет отвыкшие видеть глаза...

Рассвет схватил своими цепкими ледяными пальцами, жадно впиваясь в тело в надежде согреться теплом перед новым порывом сырого ветра. Схватил и дёрнул, дав понять, что наблюдение за зелёной булькающей лужей с жалкими обломками жилища на месте бывшей «фазенды» ни к чему хорошему не приведёт. Сидя на лавочке возле соседской калитки через дорогу напротив, я никак не мог собрать воедино и привести в порядок разбежавшиеся в голове мысли. Вопросов становилось столько, что я просто был сбит с толку, не зная, над каким из них в первую очередь думать и что делать дальше. Вот так просто сидел и смотрел выпученными глазами, как душевнобольной, на погружение дома в пучину зловонного небытия. Наконец, когда он окончательно исчез из вида последним кирпичом красной трубы, я, освещённый первыми утренними лучами осеннего солнца, достал из кармана куртки сигареты и закурил. Затем встал и, закинув на плечо спасённо-спасительный топор, поковылял в направлении соседней улицы — улицы моего детства.

Хотелось увидеть своих стариков, чтобы поплакаться им о потере моего скромного имущества, и я брёл по грунтовой ухабистой дороге, неся в своём «котелке» кашу из тупиковых мыслей, и казалось тогда, что не расхлебать теперь её до конца жизни. Внутри продолжало расти желание ну хоть бы с кем-нибудь просто поделиться впечатлениями от пережитого, причём желательно поделиться срочно, иначе кашеобразная субстанция черепка могла взорваться от давления, разлетевшись тёплыми брызгами в разные стороны. Я довольно продолжительное время находился на грани безумия, пребывая в шоковом состоянии от всего происходившего. И вполне естественно, что мне хотелось услышать подтверждение, что я не рехнулся, всё это не глюки и не кошмарный сон. Мне нужны были живые люди и возможность выговориться кому-то, кроме себя любимого. Мне было страшно.

Только пройдя метров пятнадцать по переулку, я начал осознавать, что вокруг преобладала почти абсолютная тишина. Лишь лёгкий шум ветра в редкой пожелтевшей листве и мои шаги нарушали мертвенную тишь округи.

Для утренней деревни с её кукарекающими петухами, собачьим лаем, мычанием коров и голосами прочей живности, включая соседей, было крайне необычным отсутствие какого-либо шума. Я приподнял низко опущенную голову с унылой физиономией. Посмотрел по сторонам: с окружавшим пространством явно было что-то не так.

Первый попавшийся дом встретил мой взгляд отсутствием крыши, лёгким послепожарным дымком и чернотой обожжённых кирпичных стен, бывших раньше безупречно белоснежными. Он весь выгорел изнутри моментально под воздействием невероятно высоких температур, от которых не только стёкла окон, но даже стальные решётки оплавилась. Внутри жилища виднелось температурное марево. Оно продолжало обжигать стены, что было тоже весьма странно. Всё, что должно поддерживать огонь, уже давно сгорело. Да и не способно обычное горение создать настолько сильный жар. Но что же тогда там создавало столь высокую температуру?

«Ещё одна аномалия», — подумал я, глядя слезящимися глазами на сгоревшие руины. Именно это определение пришло мне на ум в тот момент — «аномалия».

В сгоревшем доме жили весьма зажиточные люди, и, чтобы сберечь своё нажитое добро от посягательств прославленных слухами нечистых на руку соседей, они в прошлом году поставили массивные решётки на окна. Теперь же вместо них, как застывшие слёзы из тёмных прозрачных глазниц, с кирпичных подоконников свисали чёрные металлические сосульки — жалкие останки былой защиты от воров. Я вновь поймал ступор, как после увиденного у себя в подвале. Что произошло здесь, я просто не хотел даже представлять. А когда из руин некогда богатого подворья сквозняком понесло чем-то очень знакомым, чем обычно пахло у них по праздникам, сильно напоминающим подгоревший шашлык, я двинулся дальше по дороге, не желая думать о том, чьё именно жареное мясо может источать подобный аромат.

Ещё один соседский дом с противоположной стороны дороги просто-напросто отсутствовал, вместо него валялись лишь небольшие части досок, немного красной черепицы, куски кирпича и всяческий мелкий мусор. Куда девался целый дом, было вообще неясно. Складывалось ощущение, что его поглотил смерч, неведь откуда взявшийся, моментально всосавший постройку и так же молниеносно исчезнувший, не тронувший при этом даже соседний забор. Тут, судя по всему, тоже выживших не было, так что и здесь задерживаться я не стал.

До меня постепенно начинало доходить, что после странной грозы пострадал не только я, а раз так, то было бы очень глупо и опасно заходить в гости к соседям с целью поинтересоваться их делами. Неизвестно, какой ещё гадостью полуразрушенные постройки могли меня, незваного гостя, «угостить», если даже собственный дом чуть меня не переварил в своём желудочном соке. И снова в голове поселилась мысль о конце света и сверхсекретном оружии, которое могли использовать против нас. Странно было и то, почему до этого момента я не задумался над тем, что пострадал не только я и мой дом. То ли от стресса, то ли от страха и переживаемых эмоций, а может, от недавнего удара головой, я не осознавал очевидного, не придавал значения тому, на что действительно важно было обращать внимание. Но только я стал размышлять над этим, как надо мной снова некто сыграл злую шутку.

— Что за?.. — я остановился.

Предо мной посреди дороги, метрах в четырёх-пяти, в воздухе, чуть возвышаясь над землёй, висел гигантский полупрозрачный пузырь. Или, скорее, не пузырь даже во всех смыслах этого слова, а нечто похожее на него. Как описать словами то, чего раньше никогда не видел? Как понять, что ты видишь в такой момент, если этого не было никогда, нигде и ни с кем? «Нечто» напоминало колебание горячего воздуха летом над дорогой, но только в виде идеального шара, пульсирующего своими волнами от края окружности в центр. Зрелище сложно поддавалось объяснению, тем более в том моём психоэмоциональном состоянии. Невидимый микропылесос колоссальной мощности, находившийся в центре сферы, волнами всасывал в себя полупрозрачную газообразную субстанцию, из которой она и состояла. Странное воздушное представление буквально заворожило, приковав мой взгляд на некоторое время к себе. Я стал анализировать это явление, благо имел обширные познания в разных областях науки и фантастики.

В юности я любил читать разные научно-популярные журналы: «Техника молодёжи», «Юный техник», «Квант», «Юный натуралист». Старый для меня выписывал регулярно всё это добро в районном центре через почту. Да плюс у него была большая коллекция всевозможной литературы. Дедушка у нас в деревне считался очень начитанным человеком. К тому же среди односельчан он прослыл юридически подкованным гражданином, так как любил журнал «Человек и закон», что регулярно приносил почтальон с прочими книгами на подобную тематику. Из этих книг и журналов он выуживал всю необходимую информацию о новых законах или поправках к старым и прочие полезности в этом направлении. В результате чего начальство нашего района боялось деда как огня инквизиции. Если Василий Владимирович приезжал в район и направлялся в сторону муниципалитета, то нужно было либо срочно стелить красную ковровую дорожку, доставать хлеб-соль и дорогое бухло, либо хватать лопаты и рыть себе глубокие могилы, ибо пощады он не давал никому. Благодаря моему деду в нашем селе появились нормальная асфальтированная дорога, газ в домах, были проведены домашние телефоны, и прочие блага цивилизации стали чаще доезжать в нашу глубинку. Такой вот был мой дед — справедливый и напористый, что прививал с детства и мне. Его любили и боялись, но при этом всегда уважали. Для меня же он являлся кем-то вроде сэнсэя, гуру и наставника. Дед старался и меня подковать по максимуму, чтобы я в дальнейшей жизни смог одолеть интеллектом и знаниями любого неприятеля-бюрократа и совладать с любыми повседневными обстоятельствами, и не только. Вот потому для меня он тоже периодически приобретал разнообразную литературу: фантастику и приключения, иногда мистику и исторические романы, книги по

науке и философии и многое-многое другое. Он искренне желал, чтобы внук вырос умным и эрудированным человеком и вырвался наконец-то из нашей нищеты. В детские и юношеские годы читал я много и взахлёб. Развлечений в те времена было мало. По телевизору только раз в неделю показывали в воскресенье долгожданные мультфильмы Диснея, периодически омрачая радость от встречи с любимыми героями бородатой мордой «Слова пастыря». Ну и ещё по будничным вечерам перед программой «Время» шла телепередача «Спокойной ночи, малыши». Однако там почти всегда транслировали какую-то психоделическую дичь, мультипликационные жертвы абортот советского кинематографа конца восьмидесятых и начала девяностых, что не особо было интересно, а уже в более старших юношеских годах так и подавно, так что вся доступная информация черпалась исключительно из разнообразного чтения. Население было более грамотным в те годы, потому что все много читали, не то что сейчас. Люди обменивались книгами, брали на время у друзей и родственников, и почти у всех были в библиотеке формуляры читателя. Увлечение чтением расширило мои понятия о мироустройстве: о законах физики, химических реакциях, психологии, биологии, религиях, истории, географии и так далее — и изрядно пополнило мой словарный запас. Но даже все эти знания оставляли меня в глухом тупике, когда я пытался понять то, что увидел в тот момент перед собой.

Понаблюдав немного за пульсирующим посреди дороги аномальным пузырьком, я понял для себя следующее — меня, можно сказать, осенило: в округе повсюду произошли странные метаморфозы законов физики. Где-то, как у меня под домом, пиково в положительную сторону изменилась кислотность, и из почвы начал бить зелёный всеразъедающий родник. Где-то местами резко изменилась температура, вызвав моментальное воспламенение всего горючего, а где-то странный вихрь скрутил здание и вместе с ним исчез. Что находилось передо мной над дорогой, конечно же, нуждалось ещё в разъяснении, и я, недолго думая, изучил всё по-своему, так сказать, «методом тыка». Я поднял с земли валявшуюся под ногами палку и просто швырнул её в аномалию. Попад в пульсирующую сферу, она на долю секунды застыла на месте, затем съежилась, затряслась, вибрируя, скрутилась винтом, как мокрая тряпка в руках умелой уборщицы, и тут же разлетелась в разные стороны мелкой пылью. Я дёрнулся.

— Ух, ё! Нихрена себе! Интэрэсно... Какой-то гравитационный выкрутас. — Почесал подбородок.

Конечно, это был опрометчивый поступок — бросать чем-то в неизвестное нечто, мало ли к чему это могло привести, но почти мальчишеское любопытство взяло верх над логикой, и к тому же, как ни странно, своеобразный эксперимент принёс свои плоды. Теперь я понял, к какому примерно роду, если так можно выразиться, принадлежало это странное «чудо».

«Воздушная гравитационная аномалия» — определение, которое я неожиданно сам для себя придумал, мне очень понравилось, и я продолжил свои размышления вслух.

— Лужа, съевшая мой дом, значит, будет «кислотной аномалией», а та штука, что спалила жильё соседей, — «температурная».

Эта новая игра в классифицирование разных необъяснимых смертельно опасных явлений меня даже стала забавлять. Я стоял посреди своего переулка с идиотской ухмылкой Незнайки на лице напротив пульсирующего пузыря и загибал пальцы на левой руке, пытаясь умничать вслух. Наверное, это выглядело очень глупо, но я продолжал.

— Та, что не оставила от дома ничего, кроме мусора, непонятно какая, поэтому я её пока никак называть не буду. А вот эти... м-да, очень даже ничего... Надо будет похвастаться наблюдениями деду-у-у...

Последний звук произнесённого слова завыл эхом в сознании. Леденящие мурашки побежали волнами по всему телу, и я застыл, словно манекен. Холод, ещё холод, волны катились по спине, рукам и ногам непрерывно одна за другой, а в голове гудело эхом: «У-у-у!» Глаза стали мокреть, как при сильном порыве зимнего ветра в лицо, когда выскакиваешь на улицу из тёплого помещения. Я рванул с места.

— Дед! Бабуля! — вырвалось из меня на бегу. — Я идиот! Что же это я тут?! Ёлки, блин! Надо же скорее! Боже, Господи, прошу, хоть бы они были... — Я мчался сломя голову. — Только бы они были живы!

Меня уже не волновало то, что произошло в других дворах, мимо которых я пробегал. Мне было плевать даже на то, что я мог вляпаться в какое-нибудь новое образование и погнубнуть мгновенно, а может, и наоборот, умирать медленно и мучительно в аномальной ловушке, что могла оказаться на моём пути. Лишь одно меня заботило — дом с номером двадцать четыре по улице Школьной, а точнее, его жилыцы. Я бежал, а глаза мои продолжали слезиться то ли действительно от холодного воздуха, то ли от переживаний, переполнявших все внутренности. Только не заметил я, как почти проскочил мимо небольшого пустыря, на месте которого должен был находиться знакомый с детства двор. Я остановился и, потирая мокрые от слёз и огромные от ужаса глаза, начал медленно пятиться назад, поворачивать голову в сторону, где, кроме странно перепаханной земли, не было ровным счётом ничего. Промелькнула доводящая до дрожи мысль: «Не должно здесь быть никакого пустыря».

— Нет, — шёпотом выдохнул я.

— Пожалуйста, не надо, только не они, — чуть дыша, произносили мои пересохшие губы.

— Боже, за что?! — понесло эхом по округе. — Этого не может быть! Это всё бред! Будь ты проклят! Будьте вы все прокляты! Это всё какой-то кошмар! Чушь собачья! Херня! Неправда! Я не хочу! Не хочу! Дайте же мне проснуться! Не верю! Люди!

Я бегал по пустырю, что есть силы хлестал себя ладонями по щекам, царапал лицо ногтями, размахивал неизвестно кому руками и кричал, кричал очень громко и с надрывом: «Бабушка! Де-е-е-ед! Где вы? Отзовитесь!»

Я ругался матом, показывая непристойные жесты округе, и тут же снова молил Бога, затем вновь всё проклинал и опять матерился, и плакал, плакал, плакал. Валяясь на сырой земле, я уже охрипшим голосом что-то говорил бабуле, которая будила меня в школу, затем рассказывал деду новый анекдот и предлагал закурить сигаретку с «ниппелем», затем снова звал кого-то.

Некоторое время спустя опять приходил в себя и выл навзрыд, сидя с широко раздвинутыми ногами, загребая руками холодную грязь, пытаюсь из неё что-то вылепить. Потом снова бредил, то лежал на боку, поджав колени, то спиной на земле, уставившись в небо.

Не знаю, сколько часов прошло тогда во время моего помешательства. Ощущение времени смешалось и размазалось на палитре сознания бурой грязью пустыря. В голове мелькали картинки, как при перемотке видеокассеты, то в одну сторону, то в другую. Лишь когда открыл опухшие от слёз глаза, которым уже нечем было плакать, а голова гудела от боли так сильно, что совершенно отказывалась трезво мыслить, в груди образовалась леденящая пустота, я наконец-то успокоился. Рассудок мой окончательно обессилел, устав барахтаться в омуте абсурдности, цепляясь за спасительную солому логики. Интеллект просто пошёл ко дну, захлебнувшись коктейлем из грязи бывшей усадьбы моих стариков и вонючей жижи растворившегося в небытии подвала. Разум сдался на милость безумца-победителя.

Солнце, плывшее в голубой воде неба среди пены облаков, собралось уже продолжить свой заплыв в сторону запада, в надежде добраться, пока ещё есть силы, до желанной им земли, что ждала его в свои объятия где-то там далеко, за сосновой щетиной древнего земляного чудовища, уснувшего однажды в этих краях. Следовательно, было уже далеко за полдень. Вот и я, последовав примеру нашего светила — всё время двигаться — медленно встал, поднял сумку с респиратором и побрёл, сам не понимая, куда и зачем. Возле дороги машинально поднял брошенный в приступе истерического припадка топор и, закинув его на плечо, окончательно стал похожим на бессердечного железного дровосека из сказки, что читала мне в детстве бабушка, только в придачу ещё и очень грязного. Вот только в отличие от моего предшественника идти вслед за солнцем в «Изумрудный город» мне не очень-то и хотелось, так как хреновый из него

получался, я вам скажу, проводник. Да и город ближайший был далеко не по пути светила и совсем не изумрудный, а очень даже наоборот. Чернобыль — название говорит само за себя. Тем более при сложившихся обстоятельствах вряд ли там меня ожидал радушный приём и благоустроенное убежище. И при более благоприятных условиях в этом городке не очень-то жаловали непрошенных гостей. Без специального разрешения чаще всего человека как минимум вывозили за пределы охраняемой территории со строгим предупреждением, а особо борзых могли и немалыми штрафами обложить. Правда, с дырами в нашей судебной системе мало кто платил эти штрафы, но по факту дело это всё равно неприятное. Теперь же там, судя по всему происходящему, и вовсе образовалась совсем не курортная зона. На восток тоже идти не было никакого смысла, так как, кроме сплошных лесов, рек и топи болот, меня там не ждало ничего интересного, да и всё вышеперечисленное в данной ситуации не особо вызывало желания для прогулки в восточном направлении. Я отправился на юг, единственная более-менее нормальная дорога вела к районному центру. Маршрут нарисовался, так сказать, самостоятельно — «ни вашим, ни нашим». Мною двигала, наверное, теплящаяся где-то глубоко в душе надежда найти хоть кого-нибудь, так как за последние часы я не видел ни одной живой души.

Глава 5. Скиталец

Чёрная мантия молчаливой колдуньи по имени Ночь накрыла небо своею звёздностью, запеленала землю темнотой и холодом плотной ткани, сотканной из тугих нитей человеческих страхов перед обречённостью и неизбежностью. Под этим мрачным магическим покровом ненадолго распростёрлось бескрайнее сонное царство. И лишь одинокое призрачное существо, по большей мере похожее на человека, нарушало апатично-мрачную любовную идиллию сонной земли и звёздного неба своим неприкаянным движением куда-то в осеннюю даль. Странный силуэт медленно шевелил по сырой земле. Он скорее напоминал заплутавшую в лабиринте мрака унылую тень, одурманенную и мнимую светом звёзд, таких холодных и безразличных к делам земным. Двигаясь почти бесшумно по просёлочной дороге, обходя отблёскивающие в тусклом свете, пульсирующие «Воздушные пузыри», минуя булькающие, дурно пахнущие, как болото, лучезарно-зелёные «Мыльные лужи», продолжал он прокладывать свой нелёгкий путь в сторону далёкого юга. Иногда человекоподобный путник нехотя перепрыгивал через тонкие, почти невидимые нити «Чёртовых скакалок», всё время норовивших вцепиться своей когтистостью в усталые ноги, желая с остервенением зачем-то отнять их себе. Время от времени тень наклонялась, чтобы подобрать светящийся разноцветными огоньками камушек или прыгающий, как детский мячик, тёплый и мягкий комочек «Резиновой слизи». Подбирал, чтобы наворчать и забросить ненавистный предмет куда-то обратно во тьму. Бормоча себе что-то под нос, мрачный некто периодически резким движением рассекал воздух скрюченным предметом, напоминающим очертаниями топор с длинным топорищем. После чего из воздуха, из того места, куда наносил он яростный удар, в разные стороны летели искры и маленькие молнии. И вновь, закинув своё орудие на плечо, теневое существо продолжало свой путь в никуда, ведомое лишь единым инстинктом — инстинктом самосохранения.

Этим существом был я, считавший себя единственным выжившим после странной грозы.

После того как я покинул свою разрушенную деревню, прошло несколько дней; по крайней мере, я два раза наблюдал, как солнце пересекало небо с востока на запад. Но я могу и ошибаться, память может сыграть злую шутку. Я старался, насколько это было возможным, постоянно двигаться в изначально выбранном направлении. Хотя порою приходилось возвращаться далеко назад по своим же собственным следам, чтобы обойти места огромных и непроходимых скоплений аномалий, которым я продолжал просто ради забавы, а может, и в качестве тренировки рассудка придумывать смешные и по-детски наивные определения. Находясь постоянно

в состоянии стресса, я практически потерял чувство времени и почти не ощущал голода, да к тому же мне чертовски трудно было сосредоточиться на чём-либо серьёзном, вот и выдумывал всякую ересь, чтобы окончательно не свихнуться. Хотя кто может наверняка определить, где грань между истинным здравомыслием и полным безумием? Но несмотря на психоэмоциональное состояние, время от времени в голове всплывали иного рода мысли. Мне никак не давало покоя: куда исчез дом моих родных, кто или что разрушает всё вокруг, превращая мою родину в дьявольский полигон, куда идти и как теперь жить дальше? Порою меня посещали фантазии и о том, что, возможно, я умер и попал в ад, и в наказание за свои прегрешения буду вечно скитаться по такому странному и забытому всеми измерению, слоняться по огромной одиночной камере, пока не вляпаюсь в одну из расставленных ловушек. А когда влипну, то какой-нибудь рогатый бес сожрёт мою несчастную душонку, как сладкую конфетку на закуску, и даже не подавится. Одолевали чаще и чаще мысли, что я действительно сошёл с ума и бегаю, как чумазый бомж, по окрестным полям и лесам, сутки напролёт размахивая топором, прыгаю бешеным кенгуру и ползаю в грязи, как дождевой червяк. А не поймали меня до сих пор «добрые медбратья» только по одной причине: просто потому что я научился хорошо убегать и прятаться в Зоне от ментов, когда тырил цветняк. А может, потому, что часто ходил в Зону, хапнул я там приличную дозу радиации, и теперь развивается рак не только костного, но и головного мозга, от чего и глючит диким образом, снося окончательно и без того «дырявую крышу». Бредилося, что это всё долгий и очень страшный сон, и я никак не могу проснуться. Были мысли и о том, что я просто потерял сознание, упал в свой подвал и лежу там, коченею, так и не придя в чувство. И тогда садился я на землю и начинал тереть грязными руками усталые веки, стараясь стереть пелену всего этого вздора. А когда открывал глаза, то по-прежнему видел вокруг всё то же самое: поле, лес и дорогу, проклятую дорогу в никуда через бесконечное разнообразие аномалий, что были рассыпаны неизвестно кем по всей округе, словно зёрна, брошенные пригоршней во время кормёжки птиц. И снова, как в деревне у пропавшего дома стариков, начинал плакать, горько плакать по поводу потери драгоценной бабули и безмерно любимого деда. Страдал и от утраты жилья и всего дорогого, что было раньше в моей жизни до злосчастной грозы, которая с жестокой лёгкостью перекроила в локуты всю мою реальность, оставив одни рваные лохмотья. Но чаще не думал я ни о чём, а просто плёлся подобно безмозглому зомби из кино, брёл бесцельно куда глаза глядят, особо не задумываясь над тем, что ждёт впереди. Шлёпая по грязи, инстинктивно старался просто выжить, а, чтобы окончательно не сбрендить, бывало, напевал гнусаво себе под нос слова какой-нибудь старой популярной песни:

«Вот новый поворот,
И мотор ревёт.
Что он нам несёт?
Пропасть или взлёт?
Омут или брод?
И не разберёшь,
Пока не повернёшь,
За поворот ...»²

И тогда почти забывалось всё плохое и страшное, притуплялись тяжёлые мысли, а на душе становилось немножечко легче. Я шёл и пел, пел и шёл, преодолевая новые и новые образования и преграды. Прыгая, как ребёнок-переросток, через «Чёртовы скакалки», наклоняясь и проходя под «Гильотинками», словно бессмертный приговорённый, временами поддаваясь волне истерического веселья, я лавировал, точно двуногий самолёт с широко расставленными крыльями-руками, между прочими разношёрстными аттракционами, дырча дряхлым мопедом на экзамене по вождению. И бредилося в те минуты мне, что не было ничего другого в моей

² Строки из песни «Поворот» (авторы текста и музыки — П. Подгорецкий, А. Макаревич, группа «Машина времени»).

жизни, кроме этой новой Зоны, и живу я так уже целую вечность, и нет этому ни начала, ни конца, а иного мне не дано. Наутро очередного дня моих одиноких странствий в лабиринте смерти проснулся в канаве у обочины асфальтированной дороги. Судя по видневшемуся неподалёку знаку «Ивановка 15», дорога по-прежнему вела в наш районный центр. В такой вот импровизированной постели из сырых листьев и жухлой травы, с топором в обнимку, я и провёл остаток недавней ночи, весь дрожа от сырости и холода. Как здесь оказался, припоминалось смутно. Несмотря на то, что мне удалось провалиться в болезненную дрему, тело моё сильно ломило от усталости, накопившейся тяжким грузом за последние дни. Стресс и постоянное чувство опасности каким-то чудесным образом ещё подстёгивали организм, но даже они уже не справлялись с такой нагрузкой. И теперь мой желудок оповещал громозвучным урчанием о своей пустоте не только меня, но и всю аномальную округу, а суставы оглушительно хрустели при каждом новом движении конечностей.

— Жрать охота, аж переночевать негде... — мямлил спросонья. — Где это я есть и чего бы мне поесть? О, стихами уже заговорил. Так глядишь, и дифирамбы аномалиям петь начну скоро, — зевая и потягиваясь, бурчал я. Отряхивая гниль листьев с грязной одежды, попытался сесть. Чавкая липким языком, продолжил бубнить, обращаясь к топору: — Чего молчишь? Взял бы и поохотился, пока я тут... лежал. Ага, хренушки. Дождёшься от тебя помощи. Щаз, разбежался он резвым кабанчиком гонять зайчиков по лесу. Ну чего... чего разлётся, как собака на сене? У, гад тупорылый, только зря тебя спасал, надо было там на чердаке оставить. Топор молча лежал на сырой земле, явно не желая разговаривать с грязным безумцем.

— Ладно, так и быть, я тебя прощаю, — кряхтя, как старик, начал подниматься на ноги. — Это же ты меня спас от «Мыльной лужи». Если б не ты, не было бы меня сейчас здесь, такого злого и голодного, назло всем врагам живучего. Что-то я совсем уже чердаком протекаю, раз с топорами разговоры разговариваю. Есть как охота, — погладил ладонью булькающий живот, — Так ведь нечего. Беда...

— Кар! Кар! Кар! — послышалось откуда-то сверху, и я поднял голову. Два чёрных, как сама ночь, ворона летели в сторону юго-востока.

— О, и эти туда же. Выжившие подтягиваются. Значит, не я один выбрал это направление.

Чёрный во-о-рон, что ж ты въё-о-шься?

Над мое-е-ю голово-о-ой!

Ты добы-ы-чи не дождё-о-шься!

Чёрный во-о-рон, я не тво-о-о-й!³ — протяжно затянул вслед улетающим птицам.

Как вдруг там, куда двигались мои крылатые попутчики, что-то привлекло моё внимание.

— Стой! Там же впереди... Куда?! Ты что, не видишь?! Да вправо давай! Вправо! Ну, куда тебя несёт, тупая ты курица! Поворачивай! — хрипло кричал я, размахивая руками в надежде спасти пернатых от их неминуемой гибели. Но они, естественно, меня игнорировали и продолжали упрямо махать крыльями, двигаясь по небу всё ближе и ближе к какой-то штуке, напоминавшей «Воздушный пузырь», отличаясь от первого лишь высотой своего полёта. — Да стойте же, дурачье! Ну, куда вас прёт, глаза повылазили?! — птицы стали вроде бы даже лавировать и уходить от опасности немного в сторону. — Ай, ёлки-палки... — после этих слов одну из птиц начало неестественно заносить вбок, на что она ответила пронзительным криком и стала яростно размахивать крыльями, пытаясь вырваться из турбулентного потока, втягивающего её куда-то, как гигантский пылесос или полупрозрачный смерч. Вторая крылатая «подруга», испугавшись, дёрнулась в противоположном направлении и попыталась облететь воздушную аномалию, но к своему и моему изумлению вяпалась чуть левее во что-то другое, похоже, электрическое. Раздался хлопок, а затем треск, и пернатое создание, расстав-

³ Цитата из русской народной песни «Чёрный ворон».

шись с частью своего оперения, рухнуло камнем вниз. А другая в это время чёрным комком разгонялась по круговой траектории всё быстрее и быстрее. «Ничего себе „Птичья карусель“ и „Небесное замыкание“. А ничё, нормально. Прикольные названия получились. Мне нравится. Надо будет запомнить», — размышляя, наблюдал за птичьей подготовкой в космонавты. — Блин! Вот это я олень! Это ж мясо! Какое-никакое, а птичье мясо. Ура! Еда! Чёрный во-о-орон, весь ты мой! — заорал я. Схватив топор, рванул ближе к птичьей трагедии и моей возможной трапезе, где чуть было сам не стал завтраком для голубоватой лужицы, в которую едва ли на радостях не влетел. Среагировав практически молниеносно, отскочнул вбок и выругался: — Мля! Чёрт тебя дери. Чуть не попал, ну! Вот за малым, блин. Зараза! — плюнул в направлении голубой глади. На что лужица ответила ехидным кошачьим шипением и движением лёгкой ряби: «Ф-ш-ш-шь!»

«Надо быть поаккуратнее, а то, глядишь, и мною полакомятся», — мысленно ворчал сам на себя. После неожиданного происшествия сбавил темп и продолжил движение уже обыкновенно осторожным шагом. В небе ещё некоторое время кружила с бешеной скоростью чёрная птица, почти потерявшая все свои перья. Затем её метко выплонуло из «Карусели» в направлении «Замыкания», и снова раздался хлопок, и послышался электрический треск. — Ого! Совсем охренели? Они уже птичками в бадминтон играют! Это вообще ни в какие ворота! Складывается у меня впечатление, что вы, подружки, ума-разума набираетесь! В тандеме работаете? Не нравятся мне такие приколы! — ругался я, подходя к примерному месту падения жертв аномального тенниса. Пришлось обойти ещё три «Мыльных лужи» и перепрыгнуть две длиннющие «Чёртовы скакалки», прежде чем я увидел первую птичью тушку. Подойдя поближе, заметил, что перья на бедном тельце практически отсутствуют, и это свидетельствовало о том, что пташку изрядно ощипало, когда покружило в «Карусели» и шарахнуло в «Замыкании». Цветом она была, как курица на мясном прилавке советского гастронома, но это несколько не омрачало моей радости. — Птичку жалко, — ехидно выдавил я. — А и хрен с ней! Тем лучше, не надо скубать. Та-ак, где же вторая? А! Вот она, родимая! — Метрах в пяти от первой жертвы виднелась чуть менее ободранная тушка другой вороны; я направился туда и подобрал её. Предвкушая сравнительно неплохой в данных условиях завтрак, начал оглядываться по сторонам. Недалеко от дороги, метрах в пятидесяти, виднелась маленькая посадка, и я, смекнув, что там может оказаться пара сухих веток для костра, отправился к ней. Потребовалось полчаса на то, чтобы смог наконец-то преодолеть аномальную полосу препятствий, разделявшую меня и желанные дрова. Подойдя к посадке, заметил довольно большой клочок земли, на котором пока что не поселилась никакая всеядная гадость. — Отлично! Здесь и разведу костёр. Надо только хвороста насобирать побольше, — чем я и занялся. Занятие это оказалось не из лёгких, так как осенний пейзаж не изобилует сухостью, но, к счастью, мне удалось отыскать несколько засохших небольших кустиков, что годились для розжига костра, и несколько веток покрупнее для поддержки огня в дальнейшем. Надёргав то тут, то там охапок подсохшей на ветру травы, сложил всё это дело кучкой и поджёг. Едкий дымок прослезил мои и без того покрасневшие глаза, когда я встал на колени и наклонился, чтобы раздуть огонь, не желавший разгораться в сыроватом костре. Но мне повезло: медленно, но верно «Кальцифер» принялся жевать приготовленное для него яство, и весёлый треск оживил тишь и уныние округи. Ещё около получаса спустя на безопасном клочке земли уже вовсю трещал, поднимая искры к небу, мой задорный костёр, и я с довольной ухмылкой сушил одежду на растыканных вокруг палках, сам же, несмотря на временное оголение, согревался у желанного огня. А ещё некоторое время спустя уже уплетал горячее, слегка резиновое и подгорелое, но в те мгновения такое вкусное воронье мясо. Ел, причмокивая и не стесняясь, чавкал с блаженной улыбкой и переполнявшим душу наслаждением. Доедая практически вместе с костями жареных «воронов табака», я почувствовал прилив сил и поднятие настроения. Воистину, человек — странная тварь, может приспособиться ко всему, даже в чрезмерно тяжёлых условиях спо-

собен радоваться всяким мелочам и глупостям, например завтраку из палёного полусырого вороньего мяса, и всё это у костра посреди бескрайних полей смертельных ловушек, при этом издавая оптимистичные реплики: «Горячее сырым не бывает!» Догрызая последнюю косточку, я вспомнил, что где-то во внутреннем кармане куртки у меня оставалось ещё несколько сигарет. Благо, я не курил и раньше одну за одной. И счастьем моему в тот момент не было предела. И тут, как говорится, «Остапа понесло». — Отлично! За-ме-ча-тель-но! Ве-ли-ко-ле-пно! А что надо сказать аномалиям, дети, а? Правильно, Машенька, умничка! А теперь давайте дружно вместе скажем: Спа-си-бо! — после произнесённой пародии на воспитательницу моего детского сада принялся ржать. Чуть успокоившись и отдышавшись, продолжил веселить сам себя уже фразой школьного времени: — А после вкусного обеда по закону Архимеда, чтобы жиром не заплыть, надо смачно, что? Правильно, дети! По-ку-рить! — повалившись набок в приступе второй волны хохота, продолжил тешиться мыслью о такой очень сейчас кстати приятной сигаретной находке. Смеясь, достал пачку из кармана куртки. Выбил из неё одним ловким движением желтоголовую и такую вожденную красавицу и, зажав потрескавшимися губами, стал напевать слова одной услышанной когда-то приятной песенки, тыкая тоненькой веточкой в костёр, чтобы, когда она загорится, от неё прикурить.

— Курить — значит буду дольше жить... Значит будем... Пххх! — затянувшись, выдохнул дым. — ...Корабли в моей гавани жечь...⁴

Я пускал кольцами дым, а в голове звучала мелодия и слова песни, обретшей для меня теперь уже новый смысл. Прошло, наверное, около двух-трёх часов, пока я ел, курил и сушился у костра. И когда всё моё бельишко стало более-менее пригодным для носки, наконец-то оделся полностью и приготовился к дальнейшему движению. — Теперь ты можешь продолжить дальше своё странствие, о последний из рыцарей ордена Человеков, — сказал сам себе, вставая на ноги и закидывая на плечо увесистый топор. — На восток, таваищи! Впиёт и с песней! — картаво пародируя вождя народов, бодро двинулся в путь. «Интересно, почему птицы не увидели опасности?» — размышлял я просветлевшими мозгами, шагая по асфальту и обходя «Кошачьи лужи». «Может быть, потому что у них зрачки по-другому устроены и то, что видят люди, они не видят? Оно-то и хорошо, что так случилось: не попади птицы в аномалию, оставался бы голодным, мокрым, подыхая от слабости. А так вот трёх зайцев одним выстрелом: согрелся, просушился и поел. Сегодня точно мой день. Повезло. Ну а то, что каркуши протупили, так им и надо. Как говорил дед: «Два поезда выехали друг другу навстречу и не столкнулись. Не судьба». А нечего было летать, где попало. Глаза бы свои разули, были бы живы. Я их предупреждал, между прочим, а они меня не послушались, клуши». Рассуждения мои прервал знакомый шум, едва доносящийся с юго-востока. Я остановился и стал прислушиваться. — Нет, не может этого быть! Да ну, послышалось, — приставил руку к уху. — Не, фигня. Хотя... Точно! Это же вертолёт! — радостная мысль пробежала волной мурашек по спине. Если в Зоне, когда я воровал железо, звук приближающегося вертолёта был плохим предзнаменованием, то сейчас этот же звук подтверждал, что я не один, и скорее всего, не в аду, а это означает моё возможное скорое спасение, если меня заметят, конечно. Ну, это опять-таки, если предположить, что у Дьявола в пекле нет своего личного воздушного транспорта, и он не облетает на нём по субботам свои владения с целью провести весёлое сафари на грешников, что недавно прибыли и бродят по округе. Пока размышлял на тему возможного спасения, звук значительно приблизился, и теперь уже ясно слышалось, что направляется он в мою сторону. Иллюзий по поводу того, что летят именно за мной, конечно же, не было, но надежда, что «сверху видно всё, ты так и знай», тешила моё эго. «Быть может, заметят и заберут, и улечу я подальше отсюда. Подальше от этого бреда. Улечу куда угодно, лишь бы к людям, к живым людям», — думал я. Из-за верхушек дальнего леса, куда вела асфальтированная дорога, пока-

⁴ Строки из песни «Ариведерчи» (автор текста и музыки — Земфира Рамазанова).

зался воздушный винтокрыл, и на миг мне подумалось, что страдания мои уже закончились, и я спасён. Хотя увиденный мною вертолёт был далеко не пассажирской моделью, а скорее очень даже наоборот — летающим танком, призванным порождать не радость, а страх своим появлением. Угрюмый, огромный и мрачный на вид, пробудил он снова в моей голове пугающие мысли о войне. Но, присмотревшись внимательнее, отбросил сомнения в сторону, так как стал различать признаки отечественного аппарата, делая вывод, что в подобных условиях правильнее всего было бы летать именно на бронированной и мощной военной машине, начинённой всевозможной электроникой и современными высокотехнологичными, а возможно, и экспериментальными средствами навигации. Мои разгулявшиеся мысли прервал внезапный громкий звук. Нарастающий скрежет металла доносился со стороны летящего вожака спасителя. Затем раздался хлопок, снова хлопок и треск электрических разрядов. — Не-е-ет! — заорал я, как в кино, роняя топор и падая на колени, схватив руками себя за голову, вытупляясь в сторону не совсем ровно летящего вертолёта. — Твою бабушку за ногу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.